

Е.М. КРАДОЖЁН-МАЗУРОВА

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ

2-е издание, исправленное и дополненное

Москва 2019

УДК 80(081.2)
ББК 80я44
К 78

Крадожён-Мазурова Е.М.

К 78   Избранные статьи. – 2-е изд., испр. и доп. –
М.: Издательство «Спутник +», 2019. – 100 с.

ISBN 978-5-9973-5338-4

Елена Михайловна Крадожён-Мазурова – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и международного права Дальневосточного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, действительный член Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС); консультант научно-методического совета Гильдии в регионах России (с 2013 г.); область специализации: стилистика, лексикология современного русского языка; филологический анализ текста; прикладная лингвистика с присвоением права самостоятельного производства экспертизы по специальности «Судебная лингвистическая экспертиза»; аттестованный эксперт ЕГЭ по русскому языку.

Тексты по литературоведению могут быть полезны преподавателям и студентам филологических факультетов и литературного института, старшим школьникам и абитуриентам.

УДК 80(081.2)
ББК 80я44

ISBN 978-5-9973-5338-4   © Крадожён-Мазурова Е.М., 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Раздел 1. Научные публикации о поэзии и прозе авторов XIX-XXI вв.....	7
Литературная норма и черты идиостиля М. Цветаевой	7
Повтор как фактор композиции в лирическом цикле М. Цветаевой «Молодость»	17
«Дьяволиада» в поэзии Н. Гумилёва	22
Некоторые лексические особенности идиостиля Н. Гумилева	23
Японские реалии в редакциях текста стихотворения Николая Гумилёва «Сада-Якко»	30
Язык сказок В.И. Даля	33
Индивидуальность поэтического стиля Игоря Царёва: текстологический анализ	38
К 60-летию русского поэта Игоря Царёва	45
Река Поэзии Капитана Игоря Царёва	49
Оружие интеллектуальной экспансии. О конкурсе имени Игоря Царёва	56
Региональные литературно-художественные произведения как источник изучения современного русского языка в вузе и в школе	63
Легче писать о мёртвом поэте?! <i>Рефрен-эпифора «... ещё живой» в стихотворении и творчестве Сергея Сутулова-Катеринича</i>	69
Раздел 2. Историко-филологические и методические статьи	77
Три тайны последнего императора Китая ПУ И <i>Историческое исследование</i>	77
Речевые метафоры в художественном тексте <i>(преподавание русского языка как иностранного)</i>	79
Сравнительная характеристика некоторых аспектов системы негосударственного вузовского образования в странах АТР: Япония, Республика Корея, КНР <i>(страноведческий аспект: из опыта работы)</i>	81

Раздел 3. О судебной лингвоэкспертизе.....	88
Прикладная лингвистика: некоторые вопросы проведения судебных лингвистических экспертиз в гражданских исках по защите чести и достоинства	88
Перечень литературных и научных работ автора	92
Библиографические пояснения.....	95

Моей семье, моим детям – Сергею, Светлане и Танюшке, которые идут своим путём в науке, посвящаю.

Елена Крадожён-Мазурова

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я дальневосточница, хабаровчанка. Около 10 лет жила и работала в странах АТР: Японии, Республике Корея, Китае. Увлекаюсь литературным творчеством. преподаю в вузе лингвистические дисциплины, в том числе – особый предмет – «Лингвистическая экспертиза». Область моих интересов – классическая филология и прикладная лингвистика. Под мой «лингвистический микроскоп», как говорил мой учитель Николай Максимович Шанский, попадают и прекрасные художественные, и суровые деловые тексты.

Эта книга родилась усилиями моих дорогих учителей и наставников, которые вдохновляли меня на исследование художественного текста в студенческие и аспирантские годы в Хабаровске и Москве, моих друзей юности и зрелости, моих коллег – лингвистов и юристов. Разумеется, книга бы не получилась без поддержки Хабаровского регионального отделения Российского союза писателей, редакции российского литературного журнала «Дальний Восток», где в последние годы публиковались мои критические статьи о современной поэзии. С 2013 года проходит ежегодный поэтический конкурс Международной литературной Премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия», а с 2014 года в Хабаровске, на малой родине поэта, в Дальневосточном институте управления – филиале РАНХиГС проводятся Царёвские чтения «Царёв. Хабаровск. Россия».

С поэзией Игоря Царёва связаны мои исследования последних пяти лет. В этот круг оказались втянуты студенты различных направлений подготовки вуза, они стали представлять свои эссе, интерпретации текстов Игоря Царёва, переводить его стихи на английский язык, выступать с докладами на студенческих научных конференциях. И без этой части моей лингвистической жизни книга бы тоже не появилась.

С тех пор, как научилась читать в пять лет, я была любознательна, мне нравилось вдумываться в смысл слова. Мне очень повезло: мой интерес совпал с образованием и родом деятельности.

Традиционным для филологии XX-XXI вв. являлось и является внимание к индивидуальному стилю автора (идиостилю), к секретам текстообразования. Основы современной теории анализа текста были разработаны Г.О. Винокуром, В.В. Виноградовым, Н.М. Шанским и их последователями.

В книге три раздела. Первый – собственно филологический. Статьи расположены в хронологическом порядке и выявляют эволюцию литературных предпочтений и интересов исследователя: от поэзии Серебряного века, для которой характерна циклизация, до современной поэзии Дальнего Востока и России.

Второй раздел затрагивает темы востока в его историко-филологическом, страноведческом аспекте, основанном на личном жизненном опыте автора.

Третий, особый раздел – исследования, связанные с прикладной лингвистикой – юрислингвистикой. Я не только филолог, но и юрист, более двадцати лет занимаюсь лингвоэкспертной практикой, действительный член Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС); консультант научно-методического совета Гильдии в регионах России; область специализации: стилистика, лексикология современного русского языка; филологический анализ текста; прикладная лингвистика с присвоением права самостоятельного производства экспертизы по специальности «Судебная лингвистическая экспертиза». Отдельные аспекты лингвистической экспертизы текстов с позиций юрислингвистики нашли отражение в этом разделе книги.

Конечно, с позиций сегодняшнего дня некоторые статьи представляются мне несколько наивными в конце второго десятилетия XXI в. Часть материала сейчас я представила бы иначе, но это уже кусочек истории исследования текста.

Книга будет полезна школьным и вузовским преподавателям русского языка и литературы, студентам филологических специальностей вузов, тем, кто интересуется русской литературой и русской поэзией.

Автор.

РАЗДЕЛ 1. НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ О ПОЭЗИИ И ПРОЗЕ АВТОРОВ XIX-XXI вв.

Литературная норма и черты идиостиля М. Цветаевой

Литературная норма – принятые в общественно-речевой практике образованных людей правила произношения, словообразования, словоупотребления. «Литературная норма складывается как результат социально-исторического отбора языковых элементов из числа сосуществующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого и возводимых в ранг правильных.

Для нормы характерна системность и связь со структурой языка, стабильность, историческая и социальная обусловленность и в то же время динамичность и изменчивость во времени» [1].

Определение литературной нормы связано с понятием её носителя – грамотного, образованного человека. Безусловно, такими людьми являются писатели и поэты. Более того, мастерски владея нормативным литературным языком, они творчески развивают его.

Изучение литературного языка связано с изучением языка художественной литературы, поскольку в любом художественном произведении отражён литературный язык его автора. «Художественные произведения представляют собою своеобразную творческую лабораторию, где происходит отбор и литературная обработка различных средств общения, где осуществляется становление литературной нормы, имеет место освоение всех жизнеспособных средств литературно-письменной и народно-разговорной речи» [2]. В рамках такого понимания функции художественного текста вполне объясним интерес исследователей к проблемам идиостиля определенного автора. Среди художественных текстов различаются прозаические и стихотворные. Нас привлекают исследования стихотворной речи, которая отличается ритмической организованностью, «структурной упорядоченностью, различного рода повторами и параллелизмами, эвфонией, неожиданными смысловыми сближениями и противопоставлениями» [3]. В условиях стихотворного текста чаще всего возникают окказиональные образования, происходит приращение семантики, что даёт возможность выявить отклонения от литературной нормы или соответствие ей.

В статье объектом анализа является поэтический язык стихотворных циклов М. Цветаевой «Марина», «Бессонница», «Разлука», «Ученик», «Сугробы», написанных в 20-е годы. Творческий почерк М. Цветаевой складывается в начале века, её принято относить к поэтам постсимволистской ориентации, произведениям которых свойственны большая связь с миром конкретных реалий, использование обиходно-бытовой лексики наряду с

традиционными поэтизмами. Яркая индивидуальность отличает не только творчество М. Цветаевой в целом, но и каждое отдельное произведение.

Рассмотрим лишь один из элементов поэтического почерка М. Цветаевой – роль повторяющихся лексических компонентов в тексте лирического стихотворения и в стихотворном цикле, что помогает определить частную норму в идиолекте поэтессы.

Выбор поэтического цикла в качестве объекта исследования объясняется тем, что цикл является единицей более высокого порядка, чем стихотворение. В структуру поэтического цикла включается ряд самостоятельных стихотворных текстов, причем и каждое стихотворение, и весь цикл представляют собой художественное целое со сложной композиционной структурой. Выявление текстообразующих связей внутри стихотворения и между отдельными стихотворениями цикла – одна из задач лингвистики текста.

Нормой организации стихотворной речи являются разного рода повторы. Ограничим исследование этого явления рамками лексико-синтаксического повтора, полного лексического повтора, деривационного повтора, возникающего на стыке лексики и словообразования. Из круга исследуемых вопросов намеренно исключены случаи повторной номинации, составляющие предмет отдельного исследования.

Лексический повтор в составе предложения (как компонента строфы) образует каркас стихотворения. Этот композиционный приём использован, например, во 2-м стихотворении цикла М. Цветаевой «Марина». Цикл, написанный в мае 1921 года, представляет собой поэтическое осмысление Смутного времени в истории России. М. Цветаева повествует о трагической судьбе претендента на русский престол Лжедмитрия (Гришки) и польской авантюристки Марины Мнишек. Цикл состоит из 4-х стихотворений. Второе стихотворение цикла «Трём самозванцам жена...» включает в свою структуру повторяющийся компонент «Ты – гордецу своему / Не...»:

Трём самозванцам жена,
Мнишка надменного дочь,
Ты – гордецу своему
Не родившая сына...

В простоволосости сна
В гулкий оконный пролёт
Ты – гордецу своему
Не махнувшая следом...

На роковой площади
От оплеух и плевков
Ты – гордеца своего
Не покрывшая телом...

В маске дурацкой лежал
С дудкой кровавой во рту...

Ты – гордецу своему
Не отёршая пота...

– Своекорыстная кровь!
Проклята, треклята будь
Ты – Лжедмитрию смогла быть Лжемариной!

Повторяющаяся часть предложения неизменна в начале и имеет переменные компоненты в конце, указывающие, чего не сделала Марина для Самозванца:

Не родившая сына...
Не махнувшая следом...
Ты
Не покрывшая телом...
Не отёршая пота...

Лишь единственная строфа даёт положительный ответ на не заданный в тексте вопрос (имплицированный): что же сделала Марина Мнишек для Лжедмитрия?

– Своекорыстная кровь!
Проклята, треклята будь
Ты – Лжедмитрию смогшая быть Лжемариной!

Композиционная основа стихотворения определяется оппозицией того, как должна была поступить и как поступила Марина. Строфы 1-16 содержат антитезисы, а тезис заключен в 17-19 строфах. Нарастающее эмоциональное напряжение в тексте повествует о драматических событиях Смутного времени, актуализируется повтором части и строфы с отрицанием. Последняя строфа отрицания не содержит: она даёт оценку лирической героине, определяя её как Лжемарину.

Использование лексико-синтаксической конструкции «Ты – гордецу своему / Не...» во всех четверостишиях стихотворения, исключая финал, позволяет считать этот повтор главным композиционным стержнем текста.

Понятие стержневой композиции текста определено Н.В. Черемисиной как обусловленное сопряженной либо дистантной перекличкой ассоциативно связанных слов [4].

Отмеченный случай лексико-синтаксического повтора – не исключение в идиолекте М. Цветаевой. Данный композиционный приём использован и в 5-м стихотворении цикла «Разлука». Цикл написан в июне 1921 года и посвящен мужу М. Цветаевой С.Я. Эфрону, эмигрировавшему белому офицеру.

Образность цикла двупланова, построена на противопоставлении лирической героини, её сына и лирического героя – земных людей с земными

страстями, страданиями – бесстрастным богам-олипийцам, из которых самый главный – Зевс:

Ростком серебряным
Рванулся ввысь,
Чтоб не узрел его
Зевес –
Молись!

При первом шелесте
Страшись и стой.
Ревнивы к прелести
Они мужской.

Звериной челюсти
Страшной – их зов
Ревниво к прелести
Гнездо богов

Цветами, лаврами
Заманят ввысь,
Чтоб не избрал его
Зевес –
Молись!

Всё небо в грохоте
Орлиных крыл.
Всей грудью грохайся,
Чтоб не сокрыл.

В орлином грохоте –
О, клюв! о, кровь! –
Ягненок крохотный
Повис – Любовь...

Простоволосая,
Всей грудью – ниц...
Чтоб не вознёс его
Зевес –
Молись!

Текст стихотворения «Ростком серебряным...» даёт не один пример повтора части синтаксической конструкции: «Чтоб не (узрел, избрал, вознёс) его / Зевес – / Молись!» присутствует в 1,4,7 пятистишиях. «Ревнивы к прелести...» – во 2 и 3 четверостишиях. Ведущая позиция первого из указанных лексико-стилистических повторов определяется образом Зевса – повелителя

богов, которому лексико-стилистически противопоставлена лирическая героиня. Варьирующаяся часть лексико-синтаксического повтора представлена глаголами, которые расположены в порядке семантической градации: узрел-избрал-вознёс. Лексический повтор, включенный в рамки синтаксической конструкции «Чтоб не ... его Зевес – молись!», представляет собой основной стержень композиции текста, с которым прямой зависимостью связан другой: «Ревнивы к прелести...» Речь идёт о ревности богов-олимпийцев к людским талантам и красоте.

Правомерно сделать вывод о стержневой композиции стихотворения «Ростком серебряным...» из цикла «Разлука», признав основным стержнем лексический повтор, включенный в синтаксическую конструкцию. Данный принцип построения использован и в структуре ряда текстов из цикла М. Цветаевой «Стихи к Блоку». Так, в стихотворении «Имя твоё – птица в руке...» конструкция «Имя твоё...» присутствует в 1,2,4, 13, 14, 16-й строфах и в форме «С именем твоим...» использована в 18-й, финальной строфе текста.

Стихотворение «Без зова, без слова...» из этого же цикла, написанное после смерти Блока, словно нанизано на стержень вопроса-повтора «... в какой колыбели лежишь?» Стихотворение состоит из 12-ти четверостиший – НЕ УДАЛЯТЬ (здесь в значении: «это» 48 строф). Или был дефис? Тогда всё верно.

48 строф. В 1, 3, 6, 9, 12-м четверостишиях имеется указанная стилистическая конструкция с неизменным повтором «... в какой колыбели лежишь?» и изменяющейся в следующем порядке препозитивной частью вопроса: «А может быть, снова / Пришёл, – в колыбели лежишь?»; «О, кто мне расскажет, / В какой колыбели лежишь?»; «О, кто мне нашепчет, / В какой колыбели лежишь?»; «О, кто мне надышит, / В какой колыбели лежишь?» В финальном четверостишии дан ответ на все эти вопросы:

Державная пажить,
Надежная, ржавая тишь.
Мне сторож покажет,
В какой колыбели лежишь.

Повтор известной строки лишь подчёркивает ясность и необратимость случившегося: возникший в предпоследней строфе образ кладбищенского сторожа – неумолимая реалья жизни.

В поэтической цикле М. Цветаевой «Ученик» композиционно-тематическую основу также составляет лексико-синтаксический повтор в ряде стихотворений. Например, в стихотворении «Солнце Вечера – добрее...» повторяется начало фразы «Солнце Вечера –...»: «Солнце Вечера – добрее / Солнца в полдень», (1-2 строфа); «Солнце Вечера – дороже / Песнопевцу!» (11-12 строфа); «Солнце Вечера – не кланяется / Черни...» (15-16 строфа).

Стихотворение из этого цикла «Всё великолепье...» построено на стабильной величине: «Всё великолепье... лишь только... перед тобой»:

Всё великолепье
Труб – лишь только лепет
Трав – перед тобой.

Все великолепье
Бурь – лишь только щебет
Птиц – перед тобой.

Все великолепье
Крыл – лишь только трепет
Век – перед тобой.

Стихотворение малообъемно, но ёмко по содержанию. Цельность текста достигается приёмом введения в постоянную величину повторяющейся конструкции переменных: великолепье труб, бурь, крыл – это лишь только лепет трав, щебет птиц, трепет век. Приведённый текст – один из ярких примеров использования М. Цветаевой в композиционной функции средств, находящихся на стыке лексики и синтаксиса.

Приём повторения лексико-синтаксических конструкций для построения текстов – одна из норм, отличающих идиостиль М. Цветаевой.

Сделанный вывод не даёт права считать, что композиция произведения может быть образована одним видом повтора. До сих пор мы обращались к примерам многокомпонентного повтора, представленного несколькими словами в составе определенной синтаксической конструкции. Данный приём, характерный для ряда текстов, не универсален. Помимо достаточно громоздкого многословного повтора в текстах присутствует лексический повтор, представленный словом в его словоформах – полный лексический повтор. Этот вид повтора – более пластичное средство организации текста, так как может быть использован не только в композиции отдельного стихотворения, но и «кочевать» по нескольким (реже – по всем) стихотворениям поэтического цикла, участвуя в формировании макротекстов. Довольно часто повторяющееся слово – это образ, символ, важный для восприятия художественного произведения.

В поэтическом цикле «Бессонница», состоящим из 11 стихотворений, существенное «бессонница», заданное заголовком и определяющее тему повествования, становится и образом. Уже в первом тексте применено олицетворение: лирическая героиня беседует с бессонницей:

Обвела мне глаза кольцом
Теневым – бессонница.
Оплела мне глаза бессонница
Теневым венцом.

Ляжешь, легка лицом,
Люди поклонятся.
Буду тебе чтецом
Я, бессонница:

– Спи, успокоена,
– Спи, удостоена,
– Спи, увенчана,

Женщина. Слово бессонница встретилось в 1-м стихотворении цикла во 2-й и 3-й строфах, в стихотворении «Нынче я гость небесный...» в 3-й строфе, в стихотворении «Сегодня ночью я одна в ночи...» в 5-й строфе, в стихотворении «Бессонница! Друг мой!» в 1,48, 49-й строфах. Всего в микротексте слово бессонница использовано 9 раз, а в начальном и финальном стихотворениях цикла по 3 раза, что даёт возможность говорить о текстообразующей функции повтора в данных стихотворениях. Однако этим функции лексемы «бессонница» не исчерпываются: слово, входя в тексты 1, 5, 6, 11 стихотворений, играет роль скрепы, формируя макротекст.

Семантически близко к существительному «бессонница» прилагательное «бессонный», употреблённое автором цикла в 5-ти стихотворениях из 11-ти. Тематически значимое слово «бессонный» появляется уже в начальном стихотворении, когда бессонница обращается к лирической героине:

Спи, подруженька
Неугомонная,
Спи, жемчужинка,
Спи, бессонная («Обвела мне глаза...»).

Прилагательное «бессонный» в макротексте (цикле) характеризует следующие предметы и явления: бессонная подруженька («Обвела мне глаза...», 28 строфа), бессонный лес («Руки люблю...», 11 строфа), бессонная ночь («После бессонной ночи...» 1,5), бессонная черница («Сегодня ночью я одна...», 2), бессонный дом («Вот опять окно...», 17). Слова «бессонница» и «бессонный» пронизывают весь макротекст, они не встретились лишь в стихотворении «В огромном городе моём...», но это логически объяснимо самим текстом:

В огромном городе моём – ночь.
Из дома сонного иду – прочь.

Лирическая героиня покидает в 3-м стихотворении цикла «бессонный дом», чтобы в 10-м стихотворении войти в «дом бессонный». Лексический повтор слов «бессонница» и «бессонный» образует основу макротекста, в которую вплетаются другие повторы. Из них наиболее частотным существительное «ночь»: – встретилось 22 раза в 11 стихотворениях, присутствует в каждом тексте и, таким образом, объединяет композиционный цикл. В стихотворении «После бессонной ночи...» слово ночь использовано 4 раза, а в стихотворении «Сегодня ночью я одна в ночи...» – 5 раз, следовательно, в этих стихотворениях у лексического повтора «ночь» текстообразующая функция:

Сегодня ночью я одна в ночи –
Бессонная бездомная черница! –
Сегодня ночью у меня ключи
От всех ворот единственной столицы!

Бессонница меня толкнула в путь,
– О, как же ты прекрасен, тусклый Кремль мой! –
Сегодня ночью я целую в грудь –
Всю круглую воющую землю!

Вздываются не волосы, а мех,
И душный ветер прямо в душу дует.
Сегодня ночью я жалею всех, –
Кого жалеют и кого целуют.

Частотность слова «ночь» легко объяснима из контекста цикла – речь идёт о бессоннице, явлении ночном. Глагол «спать» образует ещё один композиционный стержень стихотворения «Обвела мне глаза...», в котором 7 раз использована форма повелительного наклонения «спи» и имеются формы «спала», «спалось», «спят». Глагол «спать» встречается ещё 6 раз во 2, 5, 9 стихотворениях. Этот лексический повтор формирует и уровень макротекста.

В поэтическом цикле «Бессонница» композиционными стержнями являются также слова «глаза» – встретились 5 раз, «руки» – 6 раз, «дом» – 5 раз, «окно» – 6 раз.

Сравнения повторяющихся слов в поэтических циклах М. Цветаевой даёт возможность говорить о лексических повторах, характерных не для отдельных стихотворений и даже единиц более высокой иерархии – поэтических циклов, а о лексических повторах, свойственных творчеству М. Цветаевой в целом, нормативных для ее идиолекта. Таковыми являются: «руки» (циклы «Бессонница» – 8 раз, «Стихи о Москве» – 5 раз, «Стихи к Пушкину» – 4 раза, «Стихи к Блоку» – 6 раз, «Разлука» – 7 раз, «Сугробы» – 4 раза). Слово «рука» характеризует отношение М. Цветаевой к жизни: она твёрдо стоит на земле и знает, что всё на ней создано руками человека, поэтому они в центре внимания поэтессы. Характерно для Цветаевой слово «ветер» (цикл «Бессонница» – 5 раз, «Ахматовой» – 4 раза, «Марина» – 4 раза, «Сугробы» – 3 раза). Ветер – символ свежей мощи, свободы. Понятие пения, песни связано у Цветаевой с поэтическим творчеством (Блок – певец, Ахматова – поёт). Слова «петь», «песня» встречаются в циклах «Бессонница 2 раза, «Стихи о Москве» – 2 раза, «Ахматовой» – 6 раз, «Стихи к Блоку» – 6 раз, «Сугробы» – 3 раза. Пословица «Глаза – зеркало души» хорошо усвоена поэтессой. Слово «глаза» (вариант – очи) относится к числу постоянных повторов. В цикле «Бессонница» – 5 раз, «Ахматовой» – 5 раз, «Стихи к Блоку» – 9 раз. «Разлука» – 4 раза, Слово «разлука» – лексическая примета языка М. Цветаевой в 20-е годы (цикл «Разлука» – 3 раза, «Бессонница – 3 раза, «Сугробы» – 7 раз, в варианте «расставаться- расставание»). Это повторяющаяся лексема входит в поэтический язык М. Цветаевой после эмиграции её мужа, С.Я. Эфрона, а после того, как сама М. Цветаева покинула Советскую Россию, тема разлуки с Родиной становится постоянной в её произведениях. Характерен для поэтического почерка М. Цветаевой повтор слова «плащ». Плащ – это символ пути, странничества. В связи с личными обстоятельствами (эмиграцией) и это слово становится приметой идиостиля поэтессы. Оно встречается в циклах «Стихи к Блоку», «Ученик», «Марина», «Разлука», «Георгий».

Разумеется, этими примерами далеко не исчерпан перечень лексических повторов, формирующих идиолект М. Цветаевой. Роль лексического повтора, сплетающего канву текста, макротекстов и всего творчества М. Цветаевой бесспорна, но это средство поэтессы обычно использует в совокупности с деривационным вариантом: повторяется морфема, чаще – корневая, реже – аффиксальная, причём корневая деривация использует корни уже известные по случаям полного лексического повтора. Функция аффиксального деривационного повтора более частная, чем полного лексического: он встречается, как правило, внутри текста и не выходит на уровень макротекста. Например, в цикле «Сугробы» стихотворение «А, уж так: ни о чём!» включает группу существительных с суффиксами -ок- (-ек-), образованных от имеющихся в макротексте существительных «воркот», «ветер», «ремень», «гром» (значит, имеет место и корневой деривационный повтор:

А, уж так: ни о чём!
Не плечом – не бочком,
Не толчком – локотком,
Говорком, говорком

В горле – лёгкий громок,
Голос встречных дорог,
От судьбы ветерок:
Говорок, говорок.

От крутой орлиной страсти
Перстенёк на пальце.
А замешено то счастье
На змеином салце.

А не хошь – не бери!
Может, ветер в двери,
Может, встречные три, –
А и сам разбери!

Хошь и крут мой порог –
Потрудись, паренёк!
Не с горохом пирог, –
Сахарок – говорок!

Группа существительных с суффиксами -ок- (-ек-) включает слова бочок, толчок-локоток, говорок, громок, ветерок, перстенёк, паренёк, сахарок, воркоток, холодок, рокоток, шуруок, ремешок, снежок. Приобретая за счет общего суффикса оттенок уменьшительности, перечисленные слова семантически несколько сближаются в контексте стихотворения, формируют ритмико-интонационный рисунок текста (ударение падает на гласную суффикса) и создают композиционную основу. Кроме того, возможности словообразования

открывают широкую перспективу для окказионального словотворчества, которая реализуется в поэзии М. Цветаевой. Семантика вновь образованных слов проясняется из контекста, а он во многом определяется повтором.

Так, в стихотворении «А сугробы подаются...» из цикла «Сугробы» несколько окказионализмов связаны деривационным повтором:

А сугробы подаются,
Скоро расставаться.
Прощай, вьюг-твоих-приятство,
Воркотов приятство.

Веретён ворчливых царство,
Волков белых – рьянство,
Сугроб теремной, боярский,
Столбовой, дворянский...

Ах, в раззор, в раздор, в разводство
Широки – воротцы!
Прощай, снег, земли сиротской.
Даровая роскошь.

Приведённые фрагменты текста включают слова с повторяющимся формантом -ств-: приятство, приятство, царство, рьянство, разводство, из которых нормативным (литературным) является только слово царство. Все остальные существительные – поэтические новообразования, которые, фиксируя внимание читателя в силу своей необычности, являются словами-скрепами текста.

Повтор корневой деривации встречаем, например, в стихотворении «Трём самозванцам жена» из цикла «Марина»:

– Своекорыстная кровь!
Проклята, треклята будь!
Ты – Лжедмитрию смогшая быть Лжемариной!

Дериваты даны попарно: проклята-треклята, Лжедмитрий-Лжемарина. Имена собственные связаны с макротекстом, имя Дмитрий встретилось в стихотворении «– Грудь ваша благоуханна...», Марина – в названии цикла, в стихотворении «Быть голубкой его орлиной...» На базе известного исторического образования (нормативного) Цветаева создаёт окказионализм Лжемарина, который является оценочным для лирической героини.

Примерами цветаевских окказионализмов являются слова простоволосость сна («Марина»), тысячеоки боги, каменнокая камя (цикл «Разлука»), докучня, дребезга, дрызга, разлучня (цикл «Сугробы»), разъярительница ветров, насылательница метелей, (цикл «Ахматовой»), расстрельщики, битва бурьянная («Стихи к Блоку»), пятисоборный круг, колокольное семихолмие («Стихи о Москве»). Это лишь небольшой перечень авторских неологизмов.

Словотворчество Цветаевой не нарушает правил современного словообразования, то есть литературной нормы, не выходит за пределы словообразовательной системы языка: новое слово образуется по известной модели. Семантика новообразований проясняется контекстом, деривационным повтором (Лжедмитрий, Лжемарина).

Проведенный анализ ряда циклов М. Цветаевой, написанных в 20-е годы, позволяет сделать вывод, что для её идиостиля этого времени характерна стержневая композиция. Наблюдения за текстами отдельных стихотворений, входящих в циклы, и макротекстом в целом показывают, что в структуре произведения не всегда имеется один формирующий стержень, а несколько, и задача исследователя определить, какой из них является главным, а какие – вспомогательными. Наши данные свидетельствуют, что универсальным приёмом организации текста и макротекста является полный лексический повтор – повтор слова в его словоформе (см. цикл «Бессонница»). На уровне отдельного текста главный стержень композиции, её каркас может быть образован повтором лексико-синтаксической конструкции (см. стихотворение «Трёх самозванцам жена...» из цикла «Марина»).

Текстообразующий приём лексического повтора дополняется в отдельном стихотворении деривационным повтором в корневой или аффиксальной разновидности. В некоторых случаях деривационный повтор приобретает самостоятельное семантическое и композиционное значение и из подсобного средства становится ведущим (см. стихотворение «А уж так: ни о чём!» из цикла «Сугробы»). Композиция текста и макротекста определяется только совокупностью всех перечисленных приёмов.

Мы определили лишь один аспект (участие лексического повтора в организации текста) поэтической манеры М. Цветаевой, обращая при этом внимание на то, что описанные приёмы – общелитературные, но, становясь принадлежностью языка писателя, индивидуализируются. Например, деривационный повтор, дающий жизнь окказионализмам М. Цветаевой, выводит эти слова за рамки нормативного литературного языка, который, в свою очередь, обогащается и развивается в языке поэта.

Повтор как фактор композиции в лирическом цикле М. Цветаевой «Молодость»

Современная лингвистика активно исследует проблемы организации художественного текста. В русле этого направления появился ряд работ, посвящённых языку поэзии начала XX века. В связи с исследованиями поэтического языка актуальным представляется вопрос о композиционном строении не только отдельного текста – лирического стихотворения, но и поэтических циклов, поскольку явление циклизации в лирике на рубеже XIX-XX вв. становится одной из примет поэзии этого времени. Циклы стихов создаются И. Анненским, А. Ахматовой, К. Бальмонтом, А. Блоком, В. Брюсовым, С. Есениным, В. Маяковским, Б. Пастернаком, М. Цветаевой и др.

По мнению И.В. Фоменко, обращение к циклизации в лирике связано с тем, что цикл позволяет более полно передать мирозерцание поэта, высказать свою точку зрения на события и явления.

Лирический цикл представляет собой жанровое образование, стоящее между тематической подборкой стихотворений и лирической бессюжетной поэмой, но каждое стихотворение, будучи самостоятельной художественной единицей, входит в цикл, который также является отдельным произведением. Художественный смысл цикла шире совокупности смыслов отдельных стихотворений, его составляющих.

Минимальный объем поэтического цикла – два стихотворения. Цикл озаглавляется автором, который определяет и порядок расположения материала. Стихотворения внутри цикла могут иметь собственные названия либо именоваться по первой стихотворной строке. Принципы построения циклов многообразны, но в абсолютном большинстве случаев существуют общие приёмы организации произведения, выявление и исследование которых представляет интерес для практики лингвистического анализа художественного текста. В основе филологического анализа лежит «челночный» принцип движения от слова к образу и к идее произведения (учитывается философская триада: идея-образ-слово), руководствуясь которым можно установить эстетические и композиционные функции слова в поэтическом тексте.

Одним из классических приёмов построения стихотворения является повтор в его разновидности. Иерархическое соотношение поэтического цикла и отдельного стихотворения, входящего в его состав, как макротекста и текста даёт возможность определить функции повтора в организации макротекста (поэтического текста).

Материалом для исследования избран цикл М. Цветаевой «Молодость», написанный в 1921 году.

МОЛОДОСТЬ

1

Молодость моя! Моя чужая
Молодость! Мой сапожок непарный!
Воспалённые глаза сужая,
Так листок срывают календарный.
Ничего из всей твоей добычи
Не взяла задумчивая Муза.
Молодость моя! – Назад не кличу.
Ты была мне ношей и обузой.
Ты в ночи начёсывала гребнем,
Ты в ночи оттачивала стрелы.
Щедростью твоей давясь, как щербнем,
За чужие я грехи терпела.
Скипетр тебе вернув до сроку –
Что уже душе до яств и брашна?
Молодость моя! Моя морока –
Молодость! Мой лоскуток кумашный!

2

Скоро уж из ласточек – в колдуньи!
Молодость! Простимся накануне.

Постоим с тобою на ветру:
Смуглая моя! Утешь сестру!
Польхни малиновою юбкой,
Молодость моя! Моя голубка
Смуглая! Раззор моей души!
Молодость моя! Утешь, спляши!
Полосни лазеревою шалью,
Шалая моя! Пошалевали
Досыта с тобой! – спляши, ошпарь!
Золотце моё – прощай, янтарь!
Неспроста руки твоей касаюсь,
Как с любовником, с тобой прощаюсь,
Вырванная из грудных глубин –
Молодость моя! – Иди к другим!

М. Цветаева – поэт первой половины XX века. Её своеобразное дарование и сложная судьба привлекают внимание современного читателя, исследователи поэтического языка всё чаще обращаются к творчеству поэтессы. Одной из регулярных поэтических форм, используемых Цветаевой, является лирический цикл.

Цикл «Молодость» состоит из двух стихотворений по 16 поэтических строк каждое. Основная идея произведения – прощание лирической героини с молодостью. Цикл написан 29-летней М. Цветаевой за полгода до выезда за границу, в сложный период жизни поэтессы, накануне перелома в её судьбе. Слово молодость, являющееся в заглавии цикла именем нарицательным неодушевлённым (так как воспринимается первоначально вне контекста произведения), узואльно обозначает «юный возраст от отрочества до зрелых лет». В первом тексте цикла семантика слова молодость расширяется, приём олицетворения открывает второй план значения: молодость – давняя спутница жизни лирической героини; к ней (молодости) обращаются «на ты»:

Молодость моя! – Назад не кличу.
Ты была мне ношей и обузой.
Ты в ночи начёсывала гребнем,
Ты в ночи отгачивала стрелы.
Щедростью твоей давясь, как щепнем,
За чужие я грехи терпела.

Первое стихотворение – перечень-счёт упрёков молодости, второй текст – воспоминание о вольной молодой жизни, где молодость была доброй подругой («смуглая моя! Утешь сестру!») – лирическая героиня считает молодость сестрой, называя её «моя голубка», «шалая моя», «золотце моё»). Олицетворение опредмечено: молодость материализуется, становится как бы реальным человеком: «Неспроста руки твоей касаюсь». Повтор сквозного образа «молодость» образует разветвлённую «кровеносную систему» всего произведения. М. Цветаева применяет различные виды повтора: идентичный

лексический повтор слова (молодость), повтор словосочетания (молодость моя), повторную номинацию личными местоимениями (ты) или контекстуальными синонимами (молодость – сестра, голубка, золотце), деривационный повтор в корневой разновидности (шалая – пошалевали).

Можно утверждать, что повтор слова молодость, определённый заглавием цикла, выполняет не только семантическую (употребление слова в переносном значении, олицетворение), но и композиционную функцию в каждом из текстов и в макротексте в целом. Во-первых, слово молодость стоит в текстово-сильных позициях (к ним относятся заглавие, абсолютное начало и конец произведения, абсолютное начало стихотворной строки и т.д. Во всех перечисленных позициях в текстах слово молодость присутствует). Во-вторых, первое стихотворение начинается обращением «Молодость моя!», повторённым дважды. Усиление акцента на слове молодость подчёркнуто разрывом строки и переносом слова в абсолютное начало второй строки. Абсолютный конец текста оформлен симметрично началу: зеркально использован и перенос слова в последнюю строку.

Первый текст цикла построен по классическим законам кольцевой композиции: «кольцо» образовано повтором словосочетания-обращения «молодость моя». Кроме того, данный повтор встретился и внутри текста во второй строфе, то есть этот повтор использован и сопряженно, и дистантно. Повтор «молодость моя» формирует стержень композиции текста, организуя, помимо кольцевой, стержневую композицию, опирающуюся на «сопряжённую либо дистантную «переключку» ассоциативно связанных слов».

Во втором тексте слово молодость встретилось в трёх строфах из четырёх, что позволяет говорить о композиционном стержне-повторе в этом стихотворении. Повтор слова молодость не ограничивается рамками отдельных текстов, а организует стержневую композицию цикла в целом. Словосочетание же «молодость моя» открывает и завершает макротекст, формируя композиционное кольцо. Разумеется, композиционные особенности лексики в цикле не ограничиваются повтором одного слова. До сих пор речь шла о главном стержне цикла, составляющем ось структуры произведения, однако внутри каждого из текстов имеются и другие повторяющиеся компоненты. Прежде всего, это со-противопоставление лирической героини и молодости, выраженное местоименной оппозицией «я-ты». Этот повтор составляет дополнительную цепь слов-связок макротекста. Ещё одним вспомогательным текстообразователем является повтор путём синонимического наименования уже обозначенного в тексте объекта. Цепочка повторной номинации в цикле выглядит так: молодость (название произведения) – 1 текст: молодость моя – моя чужая молодость – мой сапожок непарный – ты – молодость моя – ты ноша и обуза – ты – ты молодость моя – моя морока – молодость – мой локуток кумашный; 2 текст: молодость – смуглая моя – молодость моя – моя голубка смуглая – раззор моей души – молодость моя – шалая моя – золотце моё – янтарь – ты – молодость моя. В цикле 10 раз использовано слово молодость (полный лексический повтор) и 14 раз произведена синонимическая замена объекта другими словами. При повторной номинации синонимами (см. цепочку повторов) различные наименования одному и тому же объекту

даются одним и тем же субъектом, которым является лирическая героиня. В этом случае номинация, по терминологии В.Г. Гака, однофокусная.

Помимо перечисленных лексических повторов активно используется в макротексте притяжательное местоимение «мой», которое определяет отношения главных действующих лиц произведения: лирической героини и её молодости. Намеренное нанизывание местоимения «мой» (15 употреблений в цикле), кроме текстообразующей, выполняет и художественно-эстетическую функцию – указывает на неразрывность, близость, принадлежность молодости героине произведения. Первое словосочетание «моя чужая молодость» представляет собой оксюморон. Этот художественный приём создаёт дополнительную образность. Нетрадиционно словосочетание «моя голубка смуглая», так как голубки в поэзии обычно белоснежные, символизирующие чистоту. Образ «смуглой голубки» – поэтическая находка М. Цветаевой.

Использованы в текстах и частные случаи повторов: а) фрагмент фразы: «Ты в ночи начёсывала гребнем», «Ты в ночи оттачивала стрелы»; б) повтор слова в словоформах простимся, прощай, прощаюсь; в) повтор корня (derivационная разновидность лексического повтора): «Полосни лазоревую шалью, Шалая моя!», «Пошалевали Досыта с тобой!...» Шалая-пошалевали (окказионализм) – это однокоренные слова, к которым в результате паронимической аттракции примыкает и слово шаль с омонимичным корнем. Возникает игра слов. Сближение не только чисто внешнее, графико-акустическое, но и более глубокое: шаль – атрибут цыганки (см. «Цыганская свадьба»: «Там, на ворохе Шалей и шуб – звон и шорох стали и губ»). Цыганские мотивы – дань романтизму в творчестве поэтессы. М. Слоним указывает на это в своих воспоминаниях о М. Цветаевой: «Всю жизнь носила цыганского стиля кольца, браслеты и ожерелья, и сожалела, что Григорьевская «Цыганская венгерка» так затаскана...»). Цыганская жизнь для Цветаевой – символ воли, поэтому сближение слов шаль-шалая-пошалевали имеет дополнительную семантику. Отдельные штрихи дополняют портрет цыганки-молодости: смуглая, полыхни малиновою юбкой. Экспрессивно-образное использование глагола «полыхни» создаёт второй план значения, так как в прямом значении глагол полыхать связан с понятием огня, пламени. Фраза «полосни лазоревую шалью» также включает глагол в переносном значении. В прямом значении глагол «полоснуть» используется связано в словосочетании «полоснуть ножом». В выражении Цветаевой «полоснуть шалью» семантика двупланова, образно-экспрессивна. Колоративная лексика цикла выдержана в красных тонах, использованы слова одного синонимического ряда: Молодость! – Мой лоскуток кумашный (от «кумач» – красный цвет, орфография передаёт разговорный стиль); малиновая юбка; лазоревая (алая) шаль. В сочетании с подчёркнутым повтором «смуглая моя» красные цвета завершают портрет молодости. Дважды повторенная просьба лирической героини: «Утешь, спляши! Спляши, ошпарь!» вызывает представление об огненной цыганской пляске. Ассоциативно перекликается с обращением «золотой мой», обычно открывающим ритуал цыганского гаданья, обращенье «золотце моё».

Таким образом, лексический повтор в поэтическом макротексте формирует как план содержания, так и план выражения. В цикле М. Цветаевой

«Молодость» при участии системы лексических повторов нарисована картина прощания лирической героини с молодостью. Во втором, финальном, тексте цикла тема прощания реализуется использованием повторов простимся, прощай, прощаюсь, подчеркнута безвозвратность расставания с вольной, «шалую» молодостью, отношение к которой у героини неоднозначное, ведь молодость была и «ношей», и «голубкой», и «сестрой», как указывает ряд повторных номинаций. Повторы в структуре цикла не только заставляют концентрировать внимание на определенном объекте, но и скрепляют отдельные фрагменты текстов и макротекстов в целом, нанизывая их на стержень лексического повтора, организуя композицию художественного произведения. (Например, в цикле М. Цветаевой «Молодость» идентичный сквозной лексический повтор «молодость моя» участвует в формировании кольцевой композиции макротекста с элементами стержневой).

Разумеется, семантическая и композиционные функции лексического повтора выступают в единстве и разграничиваются в анализе текста только в исследовательских целях.

«Дьяволиада» в поэзии Н. Гумилёва

Теоретик акмеизма Н. Гумилёв в ранних сборниках стихотворений «Путь конквистадоров», «Романтические цветы», «Жемчуга» выступает как символист, описывая утончённые настроения, ощущения трагичности мира, тайны и мистификации. Философские истоки творчества Н. Гумилёва этого периода, по-видимому, связаны с философией поэта-символиста Вл.С. Соловьёва.

В предисловии к сказке Э. Гофмана «Золотой горшок» Вл. Соловьёв писал: «Существенный характер поэзии Э. Гофмана состоит в постоянной внутренней связи и взаимном проникновении фантастического и реального элементов, причём фантастические образы, несмотря на всю причудливость, являются не как приведения из чужого мира, а как другая сторона той же самой действительности, того же самого реального мира, в котором действуют и страдают живые лица, выводимые поэтом». Поэтическое мировоззрение раннего Н. Гумилёва включает реальные и ирреальные элементы мира: вместе с «земными» лирическими героями в произведениях присутствуют библейские и мифологические персонажи, Господь и Сатана. Некоторые ассоциации и аллюзии творчества Н. Гумилёва берут своё начало в статьях энциклопедии Брокгауза-Ефрона о демонологии, дьяволе, колдовстве, шабаше ведьм. (См. стихотворение «Из логова змиева...»).

Образ Дьявола – один из сквозных, ключевых образов поэзии Н. Гумилёва. Сплошная выборка, сделанная по 4-томному собранию сочинений Н. Гумилёва, показала, что образ-символ «дьявол» присутствует в 19 стихотворениях. Если образ Господа, Творца у Гумилёва каноничен, то образ Сатаны переменчив, мозаичен, многозначен. Трансформация видна уже из анализа разброса наименований, обозначающих в поэзии Н. Гумилёва «Князя Тьмы»: Люцифер, Змей, Дьявол, Азраил, Сатана, Вельзевул, Асмодей (7 собственных имён). Кроме того, дважды встречается перифраз: 1. «Дух печально-строгий, принявший имя утренней звезды» («Потомки Каина», сб. «Чужое небо»). Речь идёт о Сатане. Подтверждение находим во 2-м томе энциклопедии «Мифы

народов мира»: «Люцифер, Луцифер (лат. «утренняя звезда», т.е. планета Венера; в том же значении – слав. Денница), в христианской мифологии одно из обозначений сатаны как горделивого и бессильного подражателя тому свету, который составляет мистическую «славу» божества...»

Другой перифраз использован в стихотворении «Маргарита» (сб. «Чужое небо»): «злой насмешник в красном плаще», «насмешник», «насмешник в красном и дырявом плаще». Перифраз проясняется лишь в контексте всего стихотворения. Подсказкой, создающей своеобразный ореол образа, являются имена собственные: Маргарита, её брат Валентин, Фауст, Риголетто, Марта. Ассоциации связаны с западноевропейской литературой. Все герои обладают собственными именами, кроме одного – «насмешника в красном плаще», соблазнителя Маргариты, приносящего ей драгоценные дары. Ключом к образу «насмешника» являются строки:

Марта гладит любовно полный кошель,
Только... серой несёт от него.

Подарки «насмешника» пахнут серой, а это запах преисподней, следовательно, «герой-любовник» – сам Сатана.

Пик «дьяволиады» приходится в творчестве Н. Гумилёва на 1907-1912 гг. В это время выходят сборники стихов «Романтические цветы», «Жемчуга», «Чужое небо». Лидером по количеству «сатанинских стихов» стала книга «Романтические стихи»: в ней 6 стихотворений включают имя Дьявола, нередко с неожиданными эпитетами – «мой друг Люцифер», «умный Дьявол», «мой старый друг, мой верный Дьявол» (позже «приветливый Дьявол», сб. «Шатёр», стих. «Судан»). Н. Гумилёв не просто создаёт «эффект неожиданности» – в словосочетании с местоимением «мой» («мой друг Люцифер», «мой друг Дьявол») заключён дерзкий вызов ортодоксальному христианству, граничащий с богохульством. Однако образ «друга Дьявола» сквозной лишь в сборнике «Романтические стихи». В сборниках «Жемчуга», «Чужое небо» образ Сатаны традиционен, а в более поздних книгах «Колчан», «Костёр», «Огненный столп», «Шатёр» встречаются однократные упоминания Дьявола, часто в форме сравнения («...как сатана на огненном коне» – в тексте «Норвежские горы», сб. «Костер»). В сборнике стихов «Фарфоровый павильон» (китайские стихи) ни разу не упоминается Дьявол.

«Дьяволиада» Н. Гумилёва оказывается ограниченной временными рамками (1907-1912 гг.) и рамками нескольких поэтических сборников. Возможно, изменение творческого метода, смена символизма декларируемым самим Н. Гумилёвым акмеизмом привели к переменам в образном строе его поэзии. В отличие от «дьявольских», христианские мотивы в идиостиле поэта не исчезают, а, напротив, с годами усиливаются.

Некоторые лексические особенности идиостиля Н. Гумилева

Н. Гумилёв соединил в своём творчестве различные пласты мировой культуры: античную поэзию, классицизм, русский и западноевропейский

романтизм. Традиционные поэтические образы в поэзии Н. Гумилева переосмысливаются, трансформируются в контексте поэтической философии.

Н. Гумилева считают основоположником и теоретиком акмеизма, однако его творчество не укладывается в рамки одного литературного течения. Теория акмеизма Н. Гумилёва оказывается «не в ладу» с поэтической практикой: в языке поэзии Н. Гумилёва есть черты, характерные для символизма, футуризма и других литературных направлений.

Имя собственное – одно из проявлений идиолекта (или индивидуального стиля) поэта. В творчестве одних поэтов этот класс слов малочислен, в произведениях других (таких как О. Мандельштам, М. Цветаева, А. Вознесенский) функционируют богатые ономастические системы. Использование собственных имён имеет давнюю традицию в русской поэзии. Можно даже говорить об именах собственных, принадлежащих к традиционному поэтическому фонду.

Собственные имена этой группы, как правило, выполняют организующую роль в стихотворении, являются ключом к пониманию художественного смысла.

Имена, которые будут предметом нашего описания, объединяются в особую группу имён-поэтизмов как слова, на протяжении долгого времени входящие в арсенал поэтических средств. К этой группе относятся, в основном, библейские и мифологические имена собственные с «налётом» архаики.

Эти имена приобрели обширное коннотативное содержание, превратились в имена-символы, имена-ситуации. Библизмы и мифонимы вобрали в себя богатство текста, в котором они были впервые употреблены, и смысловые приращения, возникшие в результате их дальнейшего функционирования.

Н. Гумилёв часто обращается к именам-поэтизмам, видимо, потому, что в лирическом стихотворении имя-поэтизм объемнее, чем другие виды ономастического материала (например, топонимы, антропонимы и окказиональные собственные имена). В лирическом стихотворении в связи с особым свойством – «перенаселённостью» (Т. Сильман) лирического пространства, обычно взаимодействуют несколько семантических слоёв.

Библизмы и мифонимы, обладающие обширным культурным компонентом часто вмещают в себя несколько значений, сохраняя при этом потенциальные возможности для превращения в символ.

Творчество Н. Гумилёва, наследника классических традиций русского стиля, напоминает драгоценную ткань, расшитую жемчугами поэтических символов. Не случайно книгу стихов, посвященную В. Брюсову, поэт назвал «Жемчуга» (1910). Как говорил сам Гумилёв, он писал эту книгу, вдохновленный Музой Дальних Странствий. Даже перечень названий отдельных стихотворений-«жемчужин» даёт представление о том, какое место в творчестве Н. Гумилёва занимают библизмы и мифонимы.

Из 44-х стихотворений книги «Жемчуга» 10 включают имена-поэтизмы в заглавии и тексте («Потомки Каина», «Андрогин», «Христос», «Сон Адама», «Семирамида», «Воин Агамемнона», «Маркиз де Карабас», «Дон Жуан», «Возвращение «Одиссея», «Одиссей у Лаэрта»). Кроме этих стихотворений, ещё 8 включают в текст библизмы и мифонимы (Бог, Мадонна,

апостол Пётр, Лилит, Господь, Киприда, Одиссей, Паллада, Зевс и т.д.), то есть 15 текстов из 44-х (каждый третий!) отмечены именами-поэтизмами.

Освоение библеизмов и мифонимов идёт в поэзии Н. Гумилёва двумя путями: 1) имена-поэтизмы используются как аллегии; 2) мифологические и библейские образы сливаются с образами реальной жизни, как, например, в стихотворении «Он поклялся в строгом храме...»:

Он поклялся в строгом храме
Перед статуей Мадонны,
Что он будет верен даме,
Той, чьи взоры непреклонны.

И забыл о тайном браке,
Всюду ласки расточая,
Ночью был зарезан в драке
И пришёл к преддверьям рая.

«Ты ль в моём не клялся храме, –
Прозвучала речь Мадонны, –
Что ты будешь верен даме,
Той, чьи взоры непреклонны?»

Отойди, не эти жатвы
Собирает Царь Небесный.
Кто нарушил слово клятвы,
Гибнет, Богу неизвестный».

Но печальный и упрямый
Он припал к ногам Мадонны:
«Я нигде не встретил дамы,
Той, чьи взоры непреклонны».

В первом четверостишии Мадонна – святыня, статуя в храме, отвлечённо-возвышенный традиционный библейский образ. Но уже во второй строфе происходит намеренное снижение ситуации, её «приземление». «Ночью был зарезан в драке. / И пришёл к преддверьям рая». В данном контексте рай воспринимается как будничное, обыденное место, куда может забрести гуляка. Но здесь, у райских врат, «оживает» Мадонна-образ: она говорит с грешным клятвоступником, укоряет его.

Финальная строфа стирает грань между мифом, вымыслом и реальностью, уничтожает сомнения в том, что Мадонна – реальное лицо, женщина. «Он припал к ногам Мадонны...» (К ногам – не к стопам, не к подножью статуи). Так библейский образ переосмысливается.

Не менее интересна трансформация библеизма в стихотворении «Сон Адама». Адам в исходном значении – первый человек Земли. Н. Гумилёв начинает повествование, следуя библейскому сюжету «Адам в Эдеме»:

От плясок и песен усталый Адам
Заснул, неразумный, у Древа Познания...

Далее поэт заставляет Адама во сне пройти весь путь человечества: преступления, войны, распутство, тайны науки, искусства (ваяния и живописи), любовь, усталость, встречу со Смертью.

Семантика поэтизма «Адам» расширяется, Адам – символ Человечества, но в последний миг гибели героя поэт возвращает нас к истоку предания – Адам пробуждается... в Эдеме:

И Ева кричит из весеннего сада:
«Ты спал и проснулся... Я рада, я рада!»

Н. Гумилёв замыкает композиционное кольцо текста ключом-библейзмом. Перед нами вновь Адам – библейский персонаж. Многомерность его образа порождает игру смыслов в тексте стихотворения.

Не меньший материал для филологических раздумий даёт и знаменитый цикл Н. Гумилева «Капитаны», также включённый в книгу «Жемчуга».

Во втором стихотворении цикла – «каскад» имён собственных. Автор даёт одним списком имена великих мореплавателей прошлого и библейские и метафорические образы-символы:

Вы все, паладины Зелёного Храма,
Над пасмурным морем следившие румб,
Гонзальво и Кук, Лаперуз и де Гама,
Мечтатель и царь, генуэзец Колумб,

Ганнон Карфагенянин, князь Сенегамбий,
Синдбад Мореход и могучий Улисс,
О ваших победах гремят в дифирамбе
Седые валы, набегая на мыс!

Видимо, эти четверостишия требуют лингвокомментария. Заметим, что паладины – это доблестные рыцари средневековья, а Зелёный Храм – океан, то есть речь идёт о «рыцарях океана», великих мореплавателях и путешественниках. Улисс – Одиссей в римской мифологии. От конкретных имён-образов реальных людей (Колумб открыл Америку, Ганнон – карфагенский флотоводец VII-VI вв. до н.э. совершил первое путешествие вдоль берегов Африки и т.д.) и имён-символов (Улисс – мифологический герой античности, мореплаватель; Синдбад Мореход – герой волшебных сказок) Н. Гумилёв приходит к обобщенному образу Капитана: этот тот, «...кто дерзает, кто хочет, кто ищет, / Кому опостытели страны отцов...» Все стихотворение – радостный, светлый гимн дерзким и отважным путешественникам.

Со вторым стихотворением контрастирует финальное стихотворение цикла, где на смену рыцарям моря, рыцарям чести является фигура мрачная – капитан корабля-призрака, встреча с которым, по морскому поверью, сулит гибель кораблю:

Там волны с блесками и всплесками
Непрекращаемого танца,
И там летит скачками резкими
Корабль Летучего Голландца.

Ни риф, ни мель ему не встретятся,
Но, знак печали и несчастий,
Огни святого Эльма светятся
Усев борт его и снасти.

Трагическое звучание стихотворения усиливает мифоним «огни святого Эльма», как «знак печали и несчастий» (реально – это электрический разряд в атмосфере в форме святящихся пучков на острых концах башен, мачт. В средние века часто наблюдали это явление на башнях церкви Святого Эльма, откуда и произошло название).

Финал стихотворения построен на трансформации библеизма «Каин». Библейская энциклопедия Архимандрита Никифора (М., 1891) поясняет: «Каин – старший сын Адама и Евы, брат Авеля... сделался первым убийцею на земле, и не только убийцею, но и братоубийцею. К этому страшному преступлению его побудила зависть... Господь сказал: «Ты будешь изгнанником и скитальцем на земле». Всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро. – И сделал Господь Бог Каину знамение, чтоб никто, встретившись с ним, не убил его».

Таково исходное значение библеизма. Каин – братоубийца, изгнанник. Н. Гумилёв включает имя-символ в следующий контекст:

Ватаге буйной и воинственной
Так много сложено историй,
Но всех страшней и всех таинственной
Для смелых пенителей моря

О том, что где-то есть окраина –
Туда, за тропик Козерога! –
Где капитана с ликом Каина
Легла ужасная дорога.

Образ Капитана Летучего Голландца с ликом Каина зловеще многозначителен: с одной стороны, Летучий Голландец – один из легендарных капитанов, то есть один из «пенителей моря», с другой стороны, встреча с ним сулит его «братьям»-капитанам гибель. Таким образом, для капитанов он – Каин, братоубийца. И, наконец, подобно Каину, Летучий Голландец проклят, осуждён на вечное скитание. «Ни риф, ни мель ему не встретятся...»

Библеизм «Каин» в стихотворении Н. Гумилёва «наслаивается» на мифоним «Летучий Голландец», и рождается многомерный, объемный, трагический образ-символ.

Разумеется, не только книга «Жемчуга» полна имен-поэтизмов. Этот компонент идиостилия поэта присутствует и в более ранних сборниках «Путь конкистадоров» и «Романтические цветы».

Интересно, что именно в этих книгах стихов возникает и формируется «Дьяволиада» Н. Гумилёва – образ-символ дьявола, сатаны, ставший «сквозным» в поэзии Н. Гумилёва. Одно из первых стихотворений, интересных для исследования, – «Пять коней подарил мне мой друг Люцифер». (В первом варианте – «Пять могучих коней мне дарил Люцифер»):

Пять коней подарил мне мой друг Люцифер
И одно золотое с рубином кольцо,
Чтобы мог я спуститься в глубины пещер
И увидел небес молодое лицо.

Кони фыркали, били копытом, маня
Понестись на широком пространстве земном,
И я верил, что солнце зажглось для меня,
Просияв, как рубин, на кольце золотом.

Много звёздных ночей, много солнечных дней
Я скитался, не зная скитанью конца,
Я смеялся порывам могучих коней
И игре моего золотого кольца.

Там, на высях сознания, – безумье и снег,
И коней я ударил свистящим бичом,
Я на выси сознания направил их бег
И увидел там деву с печальным лицом.

В тихом голосе слышались звоны струны,
В странном взоре сливался с ответом вопрос,
И я отдал кольцо этой деве луны
За неверный оттенок разбросанных кос.

И, смеясь надо мной, презирая меня,
Люцифер распахнул мне ворота во тьму,
Люцифер подарил мне шестого коня –
И Отчаянье было названье ему.

Ключевым словом-образом в стихотворении является, несомненно, имя собственное Люцифер. Оно композиционно значимо, располагается в сильных позициях текста (сильные позиции, по мнению Н.В. Черемисиной, те, в которых слово получает образные приращения, усиливает свою семантику, например, заглавия, эпиграфы, собственные имена, абсолютное начало и конец поэтической строки и т.д.).

Имя «Люцифер» многократно оказывается в сильной, маркированной позиции: во-первых, оно образует рифму «Люцифер-пещер»; во-вторых, это имя собственное; в-третьих, Люцифер – это библеизм, обладающий известным культурным и семантическим ореолом демона зла, Сатана. Однако

в первой строфе срабатывает «эффект обманутого ожидания». Люцифер творит не зло, а благие дела (дарит лирическому герою волшебные подарки, позволяющие достичь совершенства, «высшей сознания»).

В последней строфе имя Люцифер вновь встречается в сильной позиции текста – в анафорическом повторе (заметим, что в первом варианте анафора отсутствовала, то есть автор намеренно усилил позицию ключевого слова).

Несложно заметить, что слово Люцифер образует композиционное кольцо, композиционную рамку текста, начиная и завершая стихотворение, однако семантическое наполнение повтора различно. В первой строфе Люцифер – друг лирического героя, а в финале – его злой демон.

Неоднозначность слова-символа «Люцифер» имеет глубокую культурную традицию. В двухтомной энциклопедии «Мифы народов мира» читаем: «Люцифер, Луцифер – лат. «утренняя звезда», то есть планета Венера, слав. – Денница. В христианских традициях одно из обозначений сатаны как горделивого и бессильного подражателя тому свету, который составляет мистическую славу божества.

В новозаветных текстах Христос именуется себя самого: «Я есмь... звезда светлая и утренняя» (Апокал. 22,16)».

Таким образом, в имени-символе Люцифер перекрещиваются темы «добро» и «зло», «свет» и «тьма». Это противоречие отразил в стихотворении Н. Гумилёв: сначала Люцифер дарит своему другу пять коней (пять чувств человека), которые позволяют ему подняться «на выси сознания», и «золотое кольцо с рубином» (символ магической власти, ключ к тайнам и сокровищам, знак могущества), чтобы герой мог «спускаться в глубины пещер...» Люцифер являет этими подарками своему герою светлый лик, но... на высях сознания лирический герой встречает печальную деву луны и дарит ей кольцо Люцифера.

Кольцо выступает здесь символом, залогом любви (тоже традиционное значение). Как только герой расстаётся с кольцом-подарком, происходит метаморфоза: Люцифер становится злым демоном, князем тьмы:

И, смеясь надо мной, презирая меня,
Люцифер распахнул мне ворота во тьму,
Люцифер подарил мне шестого коня –
И Отчаянье было названье ему.

На смену светлому лику Люцифера-небожителя явилась дьявольская личина Люцифера-сатаны, о чём свидетельствует и последний подарок – шестой (!) конь – конь Отчаянье. В описании подарка присутствует мистическое число 6 (а это один из символов дьявола). Композиционно это совпадает с шестой строфой! Развитие образа Люцифера завершилось.

Конечно, здесь представлено достаточно схематичное прочтение образа-символа, поскольку любой символ (кони Люцифера, сам Люцифер, волшебное кольцо) – понятие многомерное, не поддающееся четкому описанию из-за феномена «мерцания смыслов».

Бесспорно одно: использование Н. Гумилёвым имён собственных-этизмов – яркая примета его идиостиля. Каковы же функции библеизмов и

мифонимов в поэзии Н. Гумилёва? Эстетически-информационная (каждое имя-поэтизм несёт традиционную культурную информацию) и композиционная функция, то есть библеизмы и мифонимы становятся «семантическим узлом», связывающим части текста.

Японские реалии в редакциях текста стихотворения Николая Гумилёва «Сада-Якко»

«...Черновики никогда не уничтожаются. В поэзии, в пластике и вообще в искусстве нет готовых вещей... Сохранность черновика – закон сохранения энергетики произведения».

О. Мандельштам «Разговор о Данте»

«Рукописи не горят».

М. Булгаков «Мастер и Маргарита»

Для проникновения в индивидуально-языковую специфику текста чрезвычайно продуктивен приём сравнения авторских вариантов, редакций текста. С его помощью можно выявить функционально-стилистическую нагрузку языковых средств текста, определить авторские предпочтения в отборе изобразительно-выразительных приёмов.

Важен вопрос о причинах окончательного выбора той или иной единицы (экстралингвистических и лингвистических).

При исследовании японских реалий в стихотворении Николая Гумилёва «Сада-Якко», на наш взгляд, целесообразно сравнить варианты начала стихотворения. Первый вариант вошёл в сборник «Романтические цветы» 1908 года, второй – в сборник «Жемчуга» 1910 года и все последующие издания.

В Собрании сочинений Н. Гумилёва в 4-х томах (наиболее полном на сегодняшний день) приведена первая часть исходной редакции:

«Японской артистке Садо-Якко, которую я видел в Париже» (1908)

Мы не ведаем распрей народов, повелительных ссор государей,
Я родился слагателем сказок, Вы – плясуньей, певицей, актрисой.
И в блистательном гrome оркестра, в электрическом светлом пожаре,
Я любил Ваш задумчивый остров, как он явлен был тёмной кулисой.

И пока Вы плясали и пели, поднимали кокетливо веер,
С каждым мигом во мне укреплялась золотая весёлая вера,
Что созвучна мечта моя с Вашей, что Вам так же пленителен север,
Что Вам нравятся яркие взоры в напряжённых глубинах партера. [1]

В «Примечаниях» к тексту читаем: «Стихотворение посвящено известной японской драматической актрисе. С 1902 г. Якко Сада (1872-1946) с труппой мужа, известного актёра Отодзиро Каваками, гастролировала в европейских странах (в том числе в России) и в США. Гумилёв мог видеть

выступления актрисы в 1906-1907 гг.» [2]. Заглавие текста в варианте 1908 года определяет жанр лирического произведения – послание, посвящение (ср. классические посвящения: «Дельвигу», «Пушину», «Чаадаеву»). Максимально конкретны у Н. Гумилёва обозначения адресата: «японской артистке Садо-Якко», места встречи – «которую я видел в Париже».

Прямое включение в сильную позицию текста – заглавие – прилагательного «японской», обозначающего национальную принадлежность артистки, позволяет прогнозировать возможность вкрапления в ткань стихотворения слов-экзотизмов, подготавливает восприятие языковых средств, указывающих на принадлежность к японской культуре, истории. Действительно, текст не обманывает наших ожиданий: уже в первой строке находим аллюзию на первую войну нового столетия – русско-японскую войну 1904-1905 гг., о которой Н. Гумилёв повествует перифрастически: «Мы не ведаем распрей народов, повелительных ссор государей». Учитывая, что стихотворение опубликовано в 1908 г., можно предположить, что перифраз актуален и однозначно понимался современниками поэта.

Во второй строке описан жанр, в котором выступает Сада-Якко, – «плясунья, певица, актриса» – традиционный для Японии синкретизм танца и пения в сценическом действии. Четвёртая строка первой строфы преподносит ещё один перифраз: «Я любил Ваш задумчивый остров». Поскольку речь идёт о японской артистке (см. заглавие), то её «задумчивый остров» – это, разумеется, Япония – «островная» страна. Первая строка второй строфы – «И пока Вы плясали и пели, поднимали кокетливо веер...» – содержит в рифмующей (сильной) позиции слово «веер» – неизменный атрибут японской культуры и быта. Но веер – это «общевосточный», а не «специфически японский» колорит. Танец женщины с веером – традиция азиатского Дальнего Востока: Китая, Кореи, Японии. Распространяется этот вид сценического искусства и на Индокитай, то есть не выражает сугубо японской реалии культуры. Возможно, именно это подвигло Н. Гумилёва отказаться от «веера» в следующей редакции текста, заострив внимание на специфически японских деталях.

Тем не менее, уже в первом варианте отчётливо виден «японский след» – семантическая цепочка: «японская актриса», «Сада-Якко», «Ваш задумчивый остров» (Япония), «плясали и пели, поднимали кокетливо веер».

Заметим, что данный вариант текста страдает описательностью, и это, в сочетании с перекрёстной рифмовкой, придаёт ему некоторую тяжеловесность. Интересно сопоставить данную редакцию 1908 г. с окончательной – 1910 г.:

Сада-Якко

В полутемном строгом зале
Пели скрипки, Вы плясали.
Группы бабочек и лилий
На шелку зеленоватом,
Как живые, говорили
С электрическим закатом,
И ложилась тень акаций
На полотна декораций.

Вы казались бонбоньеркой
Над изящной этажеркой,
И, как беленькие кошки,
Как играющие дети,
Ваши маленькие ножки
Трепетали на паркете,
И жуками золотыми
Нам сияло Ваше имя.

И когда Вы говорили,
Мы далекое любили,
Вы бросали в нас цветами
Незнакомое искусства,
Непонятными словами
Опьяняя наши чувства,
И мы верили, что солнце –
Только вымысел японца.

Начнём с того, что, во-первых, в новой редакции стихотворения Н. Гумилёв изменил способ рифмовки и размер строфы: на смену четверостишию с перекрёстной рифмой «*авав*» приходит восьмистишие со сложной рифмовкой «*аа всс ее*». Объём строки при этом сокращается вдвое, «повествование» становится более динамичным, возникает новый ритмико-мелодический рисунок, ассоциативно напоминающий музыку Востока.

Во-вторых, значимым для интерпретации текста является изменение заглавия: Н. Гумилёв отказывается от громоздкого посвящения, заменяя его изящно-лаконичным «Сада-Якко». Заглавие становится суггестивным, будит любопытство читателя. Немаловажно, что заглавие – иноязычное (в данном случае – японское) имя собственное, экзотизм, требующий толкования, прояснения в виде текста-стихотворения. Возникает ситуация «текста в тексте», о котором Ю.М. Лотман писал: «Вторжение «обломка» текста на чужом языке может играть роль генератора новых смыслов» [3].

Японский язык в стихотворении «Сада-Якко» оказывается представлен эксплицитно и имплицитно через систему выразительных средств. Например, в первом восьмистишии перифразом запечатлено кимоно (традиционная японская одежда, похожая на халат с широкими рукавами), в котором выступала актриса: «Группы бабочек и лилий / На шелку зеленоватом...» Второе восьмистишие вновь содержит описание бытовой японской реалии – белых носков «таби» с отделением для большого пальца, как у рукавиц. Ноги танцовщицы обуты в «таби»: «И, как беленькие кошки, / Как играющие дети, / Ваши маленькие ножки / Трепетали на паркете». Н. Гумилёв акцентирует внимание читателя на хрупкости японской актрисы, выражая в сравнительном обороте сему размера суффиксами уменьшительно-ласкательной оценки в словах: «беленькие», «маленькие» и базовой семантикой слова «дети». Очередная японская реалия включена в финал второй строфы и имеет форму творительного сравнения: «И жуками золотыми / Нам сияло Ваше имя».

Автор образно описывает «внешний вид» японских иероглифов, из-за множества черт напоминающих поэту-европейцу жуков. «Золотыми» иероглифами было написано на афишах имя Сада-Якко. Финальное восьмистишие текста особенно интересно для исследователя, поскольку в нём смыкаются реальный и ирреальный миры в описании японской культуры, представленной Сада-Якко. Экзотическое для парижской сцены начала прошлого века зрелище описано русским поэтом, передаёт его индивидуальное восприятие и ощущение: «И когда Вы говорили, / Мы далекое любили, / Вы бросали в нас цветами / Незнакомого искусства, / Непонятными словами / Опьяняя наши чувства...» Эта часть текста рисует реальный мир японского театра при помощи известного набора выразительных средств – метафор («цветы искусства», «опьяняя чувства»), антитезы («мы», – за которым стоит Запад, Европа, и «Вы» – Восток, Япония).

Однако максимальная концентрация текстовой (и подтекстовой) информации, включая японскую мифологию (ирреальный мир культуры Японии), достигнута Н. Гумилёвым в заключительном двестишестистихии стихотворения: «И мы верили, что солнце – / Только вымысел японца».

Рифменная вертикаль «солнце – японца» оказывается семантически наполненной, можно, по-видимому, говорить о рождении микрообраза на рифменной вертикали. Аллюзивно последние две строки текста отсылают читателя к известному мифу о богине Солнца Аматерасу, которая стала прародительницей императоров Японии и японской нации. Японцы именуют свою Родину «Нихон». Буквальный перевод этого иероглифа – «основа солнца», «страна, где рождается солнце». В русской традиции принято называть Японию страной восходящего солнца.

Сравнение первой и окончательной редакций стихотворения Н. Гумилёва, посвящённого замечательной японской актрисе, доказывает, что сам поэт считал это произведение значимым. Не случайно тщательная шлифовка текста: от размера, способа рифмовки до ювелирной обработки деталей, передающих японские реалии, подмеченные поэтом. Н. Гумилёв сумел сохранить для поколений русских читателей образ незаурядной японки, пережившей время. В самой Японии в 2002 году по одному из каналов национального телевидения демонстрировался полнометражный документальный фильм о необыкновенной жизни и творчестве Сада-Якко, легендарной актрисы XIX-XX вв.

Стихотворение «Сада-Якко» не стоит особняком в творчестве Н. Гумилёва: общеизвестен его интерес к экзотическим культурам, в частности, к азиатской (сборник «Фарфоровый павильон»). Русская литература начала XX в. неоднократно обращалась к «японской» теме. Достаточно вспомнить «Японские стихи» К. Бальмонта, прозу Б. Пильняка. Стихотворение Н. Гумилёва «Сада-Якко» – ещё одна реплика в диалоге культур России и Японии.

Язык сказок В.И. Даля

«Сказки» Казака Луганского (В.И. Даля) – особый объект лингвистического исследования. «Русские сказки. Пятюк первый» принесли В.И. Далю известность, как писателю. А.С. Пушкин восторженно встретил выход в свет

«Сказок» [1832 г.]. Год спустя, в 1833 г., Пушкин послал Далю свой рукописный экземпляр «Сказки о рыбаке и рыбке», надписав: «Твоя – от твоих! Сказочнику Казаку Луганскому – сказочник Александр Пушкин».

Однако не только похвалы были суждены Далю. Сатирический тон «Сказок» вызвал недовольство правительства, Николай I издал приказ об аресте В.И. Даля «как неблагонадёжного», и «сказочник» был арестован. Только хлопоты Василия Андреевича Жуковского, который был воспитателем наследника престола, помогли выволить В.И. Даля из-под стражи. Но... «Русские сказки. Пяток первый» стали на три десятилетия библиографической редкостью, не были включены в издание сочинений В.И. Даля 1846 года и вновь увидели свет лишь в 1961 году в собрании сочинений В.И. Даля.

Чем же так испугали правительство и лично императора Николая I «Сказки» Казака Луганского? Весь сборник пронизан симпатией к простому человеку – солдату, мужику, инородцу, бездомному бедняку, – который всегда побеждает злых и завистливых царедворцев, неблагодарных царей и прочих власть имущих.

Народный язык сказок акцентирован множеством пословиц, поговорок, образных словечек. А в персонажах сказок многие лихоимцы с негодованием узнавали себя. Пословицы и поговорки стали убийственно точным средством характеристики героев.

Помимо названия первого сборника – «Русские сказки, из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные Казаком Владимиром Луганским. Пяток первый» [1].

В «Пяток» вошли сказки: «Сказка о Иване Молодом Сержанте, Удалой Голове, без роду, без племени, спроста без прозвища»; «Сказка о Шемякином суде и о воеводстве и о прочем; была когда-то быть, а ныне сказка буднишняя»; «Сказка о похождениях чёрта – послушника, Сидора Поликарповича, на море и на суше, о неудачных соблазнительных попытках его и об окончательной пристройке его по части письменной»; «Сказка о Георгии Храбром и о волке»; «Сказка о баранах (Восточная сказка)».

Не вошла в «Пяток первый» «Сказка о Бедном Кузе Бесталанной Голове и о преметчике Будунтае». Видимо, по цензурным соображениям, ведь в ней повествуется о бедняке Кузе Бесталанном, сыне старого гусяря, который от безысходности пошёл в науку к нечистой силе и стал оборотнем. Сказка эта впервые печаталась в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду», 1836 г., № 17 за подписью: В. Луганский.

Сказки В. Даля дарят лингвистам замечательный диалектологический, лексический материал.

Один из пластов возможных исследований – тюркизмы в «Сказках» [татарские и казахские заимствования]: в «Сказке о Бедном Кузе Бесталанной Голове и о преметчике Будунтае»; в «Сказке о Георгии Храбром и о волке», которая вся пересыпана татарскими и калмыцкими словами. У Даля к этой сказке есть примечание: «Сказка эта рассказана мне А.С. Пушкиным, когда он был в Оренбурге и мы вместе поехали в Бердскую станицу, местопребывание Пугача во время осады Оренбурга» [2]. В этой сказке автором статьи

обнаружены тюркизмы: фирман, бармоймин – «не пойду»; курсак – «живот»; пошаты – «поест»; шайтан, карачун задал – «уморил»; яман булыр – «плохо»; махан – «мясо»; куйты, сухыр-иты – «баранина», «говядина»; тарпан – «лошадь»; куйрук.

Интересна для анализа имитация речи волка-инородца («Сказке о Георгии Храбром и о волке») – это не просто стилизация, а по сути, фонетическая транскрипция – точная запись звучащей речи: «Георгий! – сказал он, присев перед витязем и наклонив униженно неповоротливую, да покорную шею свою. – Георгий, ПРИШЛА МАЯ ТВАЯ просить, ДЕЛА НАША ВОТ КАКОЙ: МАЯ АШАТЬ НАДА, КУРСАК совсем пропал, а никто не даёт; на что же, – продолжал он, – дал ты мне зубы, да когти, да пасть широкою, на что их дал мне, и ещё вдобавок большой мясной КУРСАК, укладистое брюхо? ЕМУ ПОРОЖНИЙ ЖИТЬ НЕ МОЖНО; прикажи ты меня, Георгий, накормить да напоить...»

По мнению известного фольклориста М.К. Азадовского, можно предположить, что «Пушкин слышал эту сказку от какого-то татарина или калмыка, говорящего по-русски, во время своего пребывания в Казанской или Оренбургской губернии и тогда же под свежим впечатлением рассказал её Далю, сохранив в своей передаче некоторые особенности речи рассказчика» [3].

Особого упоминания в исследовании языка «Сказок» В.И. Даля заслуживают антропонимы. В своё время акад. В.В. Виноградов заметил, что в «художественной литературе собственные имена нередко значимы, выразительны и социально характеристичны как прозвища» [4]. В «Сказках» В.И. Даля семантика имён главных и второстепенных персонажей служит средством дополнительной характеристики героев. Уже один перечень этих имён создаёт ассоциативное поле. В «Сказке о Иване Молодом Сержанте...» действуют царь Дадон Золотой Кошель; фельдмаршал Кашин; генерал Дюжин; губернатор граф Чихирь Пяташная Голова; Котыш Нахал.

В «Сказке о похождениях чёрта – послушника, Сидора Поликарповича...» антропонимам предшествуют имена нарицательные, указывающие степени родства героев и создающие комический эффект:

Сатана – староста Стопоклёп Живдиралович;
супруга его – Ступожила Помеловна;
тёща его, чалоглазая ведьма Карга Фоминишна,
по прозванию Речная Тёрка;
сожительница Сидора – Василиса Утробовна;
сыновья: Кулак, Зарез и Запой;
дочери: Мохнашка и Сивуха;
брат – Искус Поликарпович;
сожительница брата – Чума Цареградовна;
дядя – Туз Бубновый под крапом;
сожительница дяди – Краля Червонная Золотообрезная.

Язык «Сказки о Иване Молодом Сержанте...» может стать объектом отдельного этимологического исследования, например, с позиции выявления

народной (или ложной) этимологии. Некоторые случаи этимологизации иноязычных слов достаточно прозрачны, иные требуют специального изучения. Вот несколько примеров: «...губернатор граф Чихирь Пяташная Голова, в лёгком ночном уборе, в ВАЛЕНТИНОВОМ (может быть, ватиновом – Е.М.) халате, с ПАРЛАМЕНТЁРОМ на шее, походя с ног на горного шотландца, выскочил из терема своего в три АВАНТАЖА (видимо, этажа – Е.М.) на БАЛАХОН (на балкон – Е.М.) и старался усмотреть в ПОДОЗРИТЕЛЬНУЮ (подзорную – Е.М.) трубу наступающего неприятеля». В «Сказке о Георгии Храбром...» встречаем выражение: «по окончании СЕКУЦИИ». Речь идёт о телесном наказании Волка, которого высекли. Иноязычное слово «экуция» заменялось у Даля «секуцией», в семантике этого новообразования «просвечивает» значение «сечь» и аллюзивно (по ситуации) угадывается «экуция». Окказионализм «секуция» оказывается более полнозначным, чем заимствование.

«Сказки» Даля написаны прозой, но прозой ритмизованной. Автор часто обращается к народной раёшной и каламбурной рифме, включает в текст ритмически организованные пословицы и поговорки: «...любил покойник, нечего греха таить, чтобы ему просители глаза вставляли серебряные; бывало стукнет по голове молотом, не отзовется ль золотом? Не то беда, что растёт лебеда, а то беды, что нет и лебеды! Полубится сатана лучше ясного сокола; вечером Макар гряды копал, а ныне Макар в воеводы попал!» («Сказка о Шемякином суде...»). ...«Это Будунтай, чёртов пай, всем ведомый перемётчик; он в Вятке барсуком из норы вылез... под Чудовом в козла оборотился, в Вологде свечой подавился...; Пой песни, хоть тресни; ...Будунтай только крикнул, встал, встряхнулся, в чёрного петуха обернулся и приказал Кузе в самую полночь за село; А там, – отвечал Будунтай, – на свой пай сам промышляй» («Сказке о Бедном Кузе...»).

Интересна «материя» сказок и своими зачинами, в которых выделяют индивидуальностью начальные предложения (далее – НП). Сложность и важность создания первого предложения художественного текста и наличия у него особых функций исследовались Л.Е. Лесовицкой [5]. Поскольку «Сказки» В. Даля – текст художественный, то главная функция языка «Сказок» – эстетическая. Она реализуется в так называемых «приращениях смысла». Все элементы текста «Сказок» вступают в многомерные отношения, порождающие поток ассоциативных связей в сознании читателя-реципиента. Следствием этого является актуализация сразу нескольких значений, а в результате рождается смысл более глубокий, чем денотативное содержание текста.

Понятно, что начальное предложение находится в «сильной позиции» (по Н.В. Черемисиной) или в «позиции выдвижения» (по И.В. Арнольд) [6]. Выдвижение – это та сторона композиции произведения, которая проявляется в подчёркивании наиболее значимых смыслов текста любыми элементами его речевой структуры, занимающими особую графическую позицию.

Денотативное содержание начальных предложений (далее – НП) разнообразно. В «Сказках» Казака Луганского выделяется несколько типов НП. Например, НП может информировать о предмете повествования, содержать информацию о герое, т.е. выполнять информативную функцию: «Калиф сидел однажды, как сидят калифы, на парче или бархате, поджав ноги, развалившись

в подушках с янтарём в зубах; длинный чубук, как боровок, проведённый от дымовья печки до устья в трубу, лежал, кинутый небрежно поперёк парчи, атласу и бархату, вплоть до золотого подноса на вальжных ножках, с бирюзой и яхонтами, на котором покоилась красная глиняная трубка, с золотыми по краям стрелками с курчавыми цветочками и ободочками («Сказка о баранах»).

Другой тип начальных предложений в «Сказках» В. Даля – это НП, обеспечивающие синтагматическую напряжённость. Например, это происходит при «диссонансе» между заглавием и НП. (Ср.: «Восточная сказка» – НП: Калиф сидел... – норма). Иное дело – «Сказка о Шемякином суде...», НП которой является информативно недостаточным. НП этой сказки создаёт «синтагматическую напряжённость» – потребность реципиента/читателя в восприятии «правого контекста». Читатель ищет информацию о Шемяке или о суде. Шемяка же появляется лишь в 4-м предложении, его появление «обставлено» в форме семантического параллелизма: «Заяц напраказил и скрылся» // Шемяка «напраказил» и скрылся:

«Пробежал заяц косою, проказник замысловатый, по свежей пороше, напрыгался, налягался, крюк выкинул сажени в три, под кочкою улёгся, снежком загрёбся, притаился, казалось бы его уж и на свете нет – мальчики-плутишки завтра по клюковья пошли и смеются, на след глядя, проказам его; экий увертливой, подумаешь, ведь не пойдёт же прямым путём-дорогой, по-людски, виляет стороной, через пень, через тын, узоры хитрые лапками по снежку выводит, на корточки сядет, лягнёт, притопнет; петлю закинет – экий куцый проказник! Ну, а как бы ему ещё да лисий хвост? – И долго смеялись зайцу, а заяц уже бог весть где! Слухом земля полнится, а причудами свет; это не сказка, а присказка, а сказка будет впереди. Шемяка, судья и воевода напраказил, нашалил и скрылся, как заяц наш...» («Сказка о Шемякином суде...»).

«Информационный голод» испытывает читатель и при восприятии НП «Сказки о похождениях чёрта-послушника, Сидора Поликарповича...». Синтагматическая напряжённость возникает в этом тексте за счёт «нанизывания» пословиц и поговорок в НП:

«Идет рыба на блевку, идет и на блесну – кто наелся былей сытных, приторных, тот поиди для праздника перекуси небылицей тощей да пряною, редькой, луком, стручковатым перцем приправленною! Истина нахальна бесстыдна: ходит как мать на свет родила; в наше время как-то срамно с нею и брататься. Правда-собака цепная; ей только в конуре лежать, а спусти – так уцепится, хоть за кого! Быль – кляча норовистая; это кряж-мужик; она и редко шагает, да твёрдо ступает, а где станет, так упрётся, как корни пустит! Притча – дело любезное! Она неряхую не ходит, разинею не прикидывается, не пристаёт как с ножом к горлу...» («Сказка о похождениях чёрта-послушника, Сидора Поликарповича...»).

Третий тип НП в «Сказках» В.И. Даля традиционен. Первое слово в этих предложениях – «сказка» предопределяет зачин, эксплицирует настроение читателя, общая эмоциональная окраска – позитивная. В сознании повествователя-сказочника (и в восприятии читателя) возникает ассоциативное поле: о чем бы ни повествовалось – это сказка, ирреальность, а между тем именно эти сказки обладают острой сатирической направленностью. Их герои – узнаваемы:

«Сказка из походов слагается, присказками красуется, небылицами минувшими отзывается, за былями буднишними не гоняется; а кто сказку мою слушать собирается, тот пусть на русские поговорки не прогневается, языка доморощенного не пугается; у меня сказочник в лаптях; по паркетам не шатывался, своды расписные, речи затейливые только по сказкам одним и знает» («Сказка о Иване Молодом Сержанте...»).

«Сказка наша гласит о дивном и древнем быбыте времен первородных: о том, что деялось и творилось, когда скот и зверь, рыба и птица, как переселенцы, первородцы и новозданцы, как новички мира нашего, не знали и не ведали ещё толку, ни складу, ни ладу в быту своем; не обжились ещё ни с людьми, ни с местом, ни с житьём-бытьём, ни сами промеж собой, не знали порядка и начальства, говорили кто по-татарски, кто по-калмыцки и не односумом жить; кому с кем знаться или не знаться, кому кого душисть и кого бояться; кому ходить со шкурой, кому быть сытым, а кому голодным» («Сказке о Георгии Храбром и о волке»).

Наконец, четвёртый тип НП явлен в «Сказке о Бедном Кузе Бесталанной Голове...». НП здесь имитирует разговор, создавая «фиктивную коммуникативную ситуацию» (ФКС).

НП этой сказки позволяет автору построить композицию вступления на эффекте ограниченной осведомлённости, интригуя читателя, который ждёт пояснений.

В диалоге возникает, без каких-либо пояснений, «косолапый Терёшка». Т.е. как бы априори читателю этот персонаж должен быть известен, и автор таким образом создаёт ФКС знакомства автора и адресата-читателя.

« – А что, ребята, какой ныне у нас день? Кто скажет, не заглядывая в святцы, не справляясь у церковника нашего, ни у тёщи его, у просвири?»

– А ныне травка-вольнка-гудок, прялка-моталка-валёк, да матери их Софии, – отвечал косолапый Терёшка, облизываясь» («Сказке о Бедном Кузе Бесталанной Голове...»).

Таким образом, В.И. Даль (Казак Луганский) в «Пятке сказок» использует совершенно индивидуальные формы вступления, вводя разнотипные начальные предложения (НП), избегая монотонности, совершенствуя художественную ткань повествования.

Многомерность, многослойность, переливы смыслов делают «Сказки» Казака Луганского (В.И. Даля) чрезвычайно притягательными для лингвистических исследований. Каждый из отмеченных аспектов языка «Сказок» может вырасти в отдельное самостоятельное исследование. В статье намеренно не описана диалектная лексика «Сказок» В.И. Даля, поскольку этот материал достаточно хорошо разработан лингвистами-диалектологами.

Индивидуальность поэтического стиля Игоря Царёва: текстологический анализ

Этим небольшим исследованием открываем новое для большинства дальневосточных лингвистов творческое явление, новое для исследователей имя – Игорь Царёв. По итогам 2012 года поэт Игорь Царёв удостоен знака «Золотое

перо», национальной литературной премии «Поэт года». А в апреле 2013 года Игорь Царёв ушёл из жизни, «...недолюбив, недокурив последней папирозы», шагнул в вечность. Поэт и друг Андрей Земсков в предисловии к подборке из полутора десятков стихотворений, присланных для журнала «Дальний Восток» самим Игорем Царёвым и опубликованных уже после его смерти – в осеннем номере 2013 года, написал очень душевно: «Сутулясь и даже стесняясь, вышел на сцену ЦДЛ получать вполне заслуженное «Золотое Перо». И я точно знаю: Игорь был как бы в стороне от всех этих премий, рейтингов, признаний. Скромный, улыбочивый, мудрый. А главное – добрый и светлый».

Без небольшого экскурса в биографию поэта многое при анализе его творчества окажется непонятным и останется непонятым, поэтому начнём с истоков. Будущий журналист, поэт и писатель Игорь Вадимович Могила (Игорь Царев) появился на свет в Приморском посёлке Гродеково 11 ноября 1955 года. В Хабаровске начал учиться в школе №78 (ныне школа №15 – «школа Пяти Героев», из стен которой вышли пять Героев Советского Союза). Продолжил обучение в школе №5, а завершил учёбу в математическом лицее г. Хабаровска.

Литературная и журналистская деятельность Игоря Царева закончилась на посту ответственного редактора «Российской газеты», заместителя шеф-редактора «РГ-Неделя» 4 апреля 2013 г. прямо за столом в рабочем кабинете. В Хабаровске живут родители нашего земляка, поэта-дальневосточника: мама Игоря – Екатерина Семеновна Кириллова, – учитель русского языка и литературы хабаровской школы, Отличник просвещения РФ; отец – Вадим Петрович Могила, профессор Дальневосточного государственного университета путей сообщения, «настоящий физик».

Физика и лирика – родительские начала – переплелись в жизни и творчестве Игоря Царёва. Приняв решение идти по стопам отца, Игорь поступил в Ленинградский электротехнический институт. По распределению работал в Москве в «секретном ящике», занимался расчётами полётов... на Марс.

Лирика пересилила, и И. Могила под псевдонимом Царёв начинает журналистскую и писательскую деятельность, итогом которой стали более 1000 публикаций. Желание рассказать людям о чудесах физики вылилось в научно-популярные издания – 16 научно-популярных книг, в том числе в соавторстве с Ириной Царевой и другими авторами: «Колдун России»; «Планета призраков» (1990); «Знание» (1991); «Энциклопедия чудес» (1998); «Проект «Колесо фортуны»; «Формула удачи» (2001); «Призраки живой планеты» (2002); «Тайны неведомых сил» (2005); «Тайна ведьминых кругов» (2005); «Кунсткамера тайных знаний» (2006); «Если» (1994, №№2,10); «Синдром зомби», «Эзотерические знания, откуда они», «Мы живем в «неонке», «Сникерс и памперс в одном флаконе».

При жизни вышли и сборники стихов «Море камни не считает» (2002), «Соль мажор» (2011), электронный сборник «Переводы с языков пламени» (2013), о которых разговор особый. Сейчас готовятся новые издания. Осуществляет их жена поэта – член Союза писателей России, писатель – Ирина Борисовна Царева. Ирина Борисовна проводит огромную работу по сохранению литературного наследия Игоря Царёва.

Чем же привлекает читателей (и слушателей, потому что многие стихи положены на музыку) поэтическое творчество безвременно ушедшего Игоря Царёва? Попробуем разобраться, исследуя текст «под лингвистическим микроскопом».

Стихи Игоря Царёва – это не рифмованная проза, не литературный «новодел», а именно русская поэзия, в которой отразилась глубочайшая культура, мощные затекстовые знания: жизни, литературы, поэзии. Встречи с родителями Игоря Царёва убедили в том, что ощущение «втянутости в эпоху» его поэзии не случайно: будущий писатель очень много читал и впитывал прочитанное. В его библиотеке Борис Пастернак, Николай Рубцов, Иосиф Бродский, Марина Цветаева, Анна Ахматова, Максимилиан Волошин и многие другие. Путешествия по России с родителями, исхоженный ногами Крым, детство и юность на Дальнем Востоке, а затем учёба в Ленинграде – мистической столице серебряного века, работа в Москве сформировали широту взглядов, свободу суждений поэта.

Творчество Игоря Царёва – это отражённое в хрупкой лирике умение «алгеброй гармонию поверить», и как результат – совершенная рифма Игоря Царёва. Именно эта уникальная особенность его поэзии, не похожей на многие небрежные наброски претендентов на литературные премии, несиюминутность расширили круг ценителей его стихов.

В его стихах всё и все сосуществуют: доктор Живаго, Линда Эвангелиста, Наоми Кэмпбелл, Гуччи, Армани – и Гварнери, Альфред Шнитке, Николай Рубцов, Иосиф Бродский, Марина Цветаева и легендарные капитаны Николая Гумилёва...

В них много удивительного: знание мировых шедевров и способность самому их создавать, а не только коллекционировать. Чувство ритма – завораживающее, закручивающее, абсолютное. За Игорем Царёвым надо следовать. Кому-то из современников нужно ещё расти, чтобы прочесть и оценить его стихи. Потрясающее чувство меры и такта отличают Игоря Царёва в рассказе об очень личном:

Утром спросят друзья: «Ты с кем был?
Кожа мятая, цвет землистый...»

Ценители поэзии наслаждаются текстами Игоря Царёва с первой строки, как гурманы – глотком изысканного кофе или дорогого коллекционного вина. Например, великолепной звукописью стихотворения «Ночные каравеллы» (2004 г.) Первая строка построена на аллитерации [1]: «хр – гр – к-р – [ф] – ф-рф-р» (ниже, в первой строке цитируемого текста курсивом отмечены звуки, создающие аллитерационный рисунок звукописи, соответствующей «опасным» звукам, возникающим при покачивании ящика или коробки с упакованной фарфоровой посудой). Уже следующая строка указывает на источник движения – это ход корабля: «Паруса наполнив звездами зюйд-веста, / Сны мои, как каравеллы Христофора...» Поэт абсолютно точен и как физик-практик, и как литератор – в тексте ни нотки фальши:

С хрупким грузом королевского фарфора
Паруса наполнив звездами зюйд-веста,
Сны мои, как каравеллы Христофора,
Каждый вечер уплывают в неизвестность.

Второе четверостишие – погружение в детство, аллюзия [2] – отсылка к «Принцу и нищему» Марка Твена, скреплённая добротной троекратной анафорой «кто-то», перерастающей в антитезу [3]: «кто-то...», «...ну а мне» и неожиданным «непоэтическим», но очень точным разговорным глаголом «хлопать»:

Кто-то снится себе принцем, кто-то нищим,
Кто-то вещим настоятелем собора,
Ну а мне всю ночь по морю хлопать днищем
К игуанам и лагунам Бора-Бора.

Третье четверостишие начинается сочным олицетворением [4]: «Млечный путь питают, трескаясь, кокосы». Немедленно возникают затекстовые ассоциативные связи: «в кокосах – кокосовое молоко», «Млечный путь – это молочный путь», так вот в чём дело – его «подпитывают» кокосовым молоком. И вновь звукопись: «ша-жа», которая усиливает сравнение [5] в форме сравнительного оборота «С тонкой ниткой бус на талии, как осы»:

Млечный путь питают, трескаясь, кокосы.
У туземок на уме сплошная шалость –
С тонкой ниткой бус на талии, как осы,
Не ужалят, так возьмут тебя на жалость.

Финал текста выводит на уровень философских, библейских рассуждений. Ключом к четверостишию является библеизм «Иезекиль» и лексический повтор «каравеллы», замыкающий кольцевую, или рамочную композицию стихотворения «Ночные каравеллы». Сильным выразительным действием обладает развёрнутая метафора [6] в форме олицетворения, акцентированного разговорным фразеологизмом [7] «против шерсти»: «...сны... дряят шкуру океана против шерсти»:

Бог не дал мне мудрых грез Иезекиля,
Не назначил даты будущих пришествий.
Сны мои, как каравеллы с медным килем,
Дряят шкуру океана против шерсти.

«В стихах Игоря Царёва зашифрован код эпохи – это послание потомкам. Здесь отголоски поэзии Серебряного века, переключки с Цветаевой, Пастернаком, Ахматовой, Гумилёвым (поэт был победителем конкурса «Заблудившийся трамвай» в 2011 году, не случайной наградой стала и «Большая серебряная медаль Николая Гумилева», которой Игорь Царёв был удостоен в 2012 году).

Чтобы войти в стихи Игоря Царёва, например, в его «На Ордынке», нужно держать в руках ключи, а не отмычки: не только знать, что Ордынка – старинная и славная знаменитыми именами улица Москвы, но и вчитаться в Бориса Пастернака, в текст его стихотворения из романа «Доктор Живаго»: «...Мело, мело по всей земле, во все пределы. / Свеча горела на столе, свеча горела». А потом с изумлением узнавать эти строки в преломлении словесных витражей эпохи Игоря Царёва» [8]:

...В этом доме в Серебряном веке
У знакомых гостил Пастернак.
И свеча меж тарелок горела,
И гудела метель за окном.
И куда-то в иные пределы
Уносили стихи и вино.

С пастернаковской Ордынки легко попасть на Елоховую и на Цветной бульвар, где

Повидлом губы перепачкав
И не смущённая ничуть,
Зеленоглазая скрипачка
Склонила голову к плечу.

В текстах стихов Игоря Царёва слышатся отголоски Булата Окуджавы, встречаются прямые обращения к Николаю Рубцову и Иосифу Бродскому, которых он ощущает братьями по крови и по духу. В тексте стихотворения о Бродском намеренно использован приём введения в текст разговорно-бытовой лексики и фразеологии, что находит своё выражение в использовании слов с суффиксами субъективной оценки (-ик-, -ёк-, -к-: по тросику, часики, чаёк), к которым неожиданно примыкает созвучное «в классики». А далее в тексте на уровне звукописи и звукоподражания выстраивается ряд рифмующихся между собой слов, возникает внутренняя рифмовка в строках, которая «сшивает текст» – это слова «дурацкого – братского, плотского – Бродского». И, конечно, нельзя не вспомнить А. Ахматову – «Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда...»:

...Но жизнь, скользя по тросику, накручивая часики,
Готовила Иосику одну дорогу – в классики.
...Проём окошка узкого, чаёк из мать-и-мачехи...
Откуда столько русского в еврейском этом мальчишке?
Великого, дурацкого, духовного и плотского...
Откуда столько братского? Откуда столько Бродского?

И ему, Игорю Царёву, «накручивая часики», может быть, слишком поспешно, жизнь тоже готовила дорогу в классики. Лучше бы – попозже, но с жизнью, как и с судьбой, не поспоришь...

А вопросов к жизни у Игоря с детства было много, не разучился он их задавать и став взрослым. Эти вопросы во многом определяли и его судьбу – судьбу русского поэта, и это не только о Николае Рубцове, а и о себе, о человеке «с обжигающей лампой таланта в груди»:

У матросов нет вопросов. Я, наверно, не матрос...
Почему мы смотрим косо на того, кто в небо врос?
Печка в плитке изразцовой затмевает дымом свет.
Выпьем, братцы, за Рубцова – настоящий был поэт!
Был бы бездарью – и ладно. Их, родимых, пруд пруди.
Угораздило ж с талантом жить, как с лампою в груди –
Жгла она зимой и летом, так, что Господи спаси!
А без этого поэтов не случилось на Руси.

География стихов Игоря Царёва – размахом «в десять тысяч вёрст»: от Дальнего Востока, родного Хабаровска, заповедной тайги, Усури, Амура, Сунгари, скал Сикачи-Аляна – до Москвы.

В стихотворениях И. Царёва – масса подробностей, деталей, придающих особый вкус его текстам. Их смакуешь, в них хочется вчитываться, вглядываться, вслушиваться, замирать, обдумывать, а не пролистывать, прочитывать, просматривать – и спешить в суете дальше. Замрите, остановитесь, взгляните в амулеты – обереги от равнодушия, которые щедро дарит нам поэт:

Скорлупа водяного ореха, желтоглазый цветок горчака,
Оторочка оленьего меха и от старой гранаты чека...
Это лето на краешке света, где восход и бедов, и медов,
Нанизало свои амулеты на цепочку звериных следов.

В цитируемом выше тексте использована точная рифма, усиленная типичной для идиостилия Игоря Царёва внутренней рифмой в строке «где восход и бедов, и медов».

Стихи Игоря Царёва вызывают море ассоциаций. Нам, дальневосточникам, понятны, как никому другому в России, первые две строки текста, собранные из одних прилагательных, рифмующихся между собой, отражающих особенность идиостилия Игоря Царёва, делающая его тексты узнаваемыми: «соболиная, бобровая, тигровая, комариная, суровая, кедровая». Эти слова – бусины наших чувств, они вне возраста, вне времени. Но читателя к таким текстам надо готовить. Наслаждение магией слова следует заслужить. Чтобы разгадать, ощутить эту магию, нужно знать предшественников и современников, учителей и соратников Игоря Царёва:

Соболиная, бобровая, тигровая,
Комариная, суровая, кедровая,
Из оленьих жил земля дальневосточная.
Если кто-то там и жил, так это – точно я.

Поэт «играет» формой стиха, демонстрируя «фигуры высшего пилотажа», принадлежность к асам школы поэтического мастерства: в приведённом выше четверостишии абсолютная гармония первых двух строк достигается за счёт попарной вертикальной рифмовки каждого из слов: «соболиная – комариная»; «бобровая – суровая»; «тигровая – кедровая» при одновременной горизонтальной внутрискрочной рифме: «бобровая – тигровая», «суровая – кедровая». Это индивидуально-авторская примета поэтического текста Игоря Царёва, достойная особого внимания и отдельного изучения, например, в рамках специального курса «Лингвистический анализ поэтического текста: сложные поэтические фигуры».

Данью уважения родному городу является очень личное стихотворение – «Окна Хабаровска». Композиция текста задана несколькими позициями: сильной позицией текста – заглавием и абсолютным финалом – строкой «Светят в сердце окна Хабаровска». Словосочетание «окна Хабаровска» замыкает идеальную кольцевую (рамочную) классическую композицию текста. Однако автор ещё раз укрепляет каркас текста стихотворения, используя для этого вариативный дистантный повтор первого четверостишия в предпоследней строфе: «Я и сам теперь вхожу в московский цирк, / Не один свой отпуск провел в Крыму, / Но все чаще снится седой Хехцир, / И зовет, скучая по мне, Амур». Можно говорить с изрядной долей уверенности, что приметам идиостилия Игоря Царёва являются не только внутренняя рифма, но и кольцевая композиция текста, насыщение текстов стихов подробностями, деталями; обращение к значимым личным собственным именам, географическая конкретика, отличающая стиль великого предшественника И. Царёва – Николая Гумилёва, медалью которого поэт был награждён за литературное творчество («Большая серебряная медаль Николая Гумилева», 2012 г.). Любовь к родному городу, к Дальнему Востоку неразделима для поэта с чувством к близкому человеку, запечатлённом в трогательном сравнении: «У жены моей чудный цвет волос – / Как амурских кос золотой песок». Интересна для исследования смена ритма в последнем четверостишии текста, вновь возникающая внутренняя рифма, создающая микрообраз «река – резка»:

Кто-то рос в Крыму, ел зимой хурму,
Кто-то мог смотреть на столичный цирк,
А меня все детство качал Амур,
И кедровой далью поил Хехцир.

Я, еще волчком покинув кров,
Обижать себя не давал врагам,
Ведь волной амурской кипела кровь,
И дарила силу свою тайга.

Пусть, с течением лет обретая лоск,
Я не против плыл, но наискосок.
У жены моей чудный цвет волос –
Как амурских кос золотой песок.

Я и сам теперь вхож в московский цирк,
Не один свой отпуск провел в Крыму,
Но все чаще снится седой Хехцир,
И зовет, скучая по мне, Амур.

На кукане сна – не сазана вес.
Хоть и спит река, но волна резка.
Не расшитый звездами занавес –
Светят в сердце окна Хабаровска.

Память о поэте – его стихи, они должны звучать, потому

... Что в них – ни фальши, ни апломба,
Лишь сердца сорванная пломба
С неуспокоенной души...

Золотое Перо России оставило Золотой след. Круг читателей, в том числе молодых, – это, быть может, будущие поэты, которые сегодня выбирают между «физикой и лирикой» пока не в пользу последней... Но пример Игоря Царёва поучителен: для стихов не бывает поздно! Как не бывает поздно и для их профессионального осмысления и анализа. Творчество Игоря Царёва ждёт своих исследователей.

К 60-летию русского поэта Игоря Царёва

*...Ну, не вышло из меня капитана,
Обнесла судьба пенькой и штормами,
Не оставила других капиталов,
Кроме слов, что завалились в кармане...*

... Всё вышло. Игорь Царёв – Капитан современной поэзии, по масштабу открытия и описания земель поэтических неизведанных – вровень Ивану Крузенштерну или Христофору Колумбу.

В творчестве больших поэтов есть сквозные темы. Игорь Царёв – большой русский поэт. Одна из его сквозных тем – стихия: пишет ли он о поэзии, о родном языке или о любимой женщине... Игорь – морской, океанский поэт?

Вслушайтесь в музыку «Ночных каравелл»:
С хрупким грузом королевского фарфора,
Паруса наполнив звездами зюйд-веста,
Сны мои, как каравеллы Христофора,
Каждый вечер уплывают в неизвестность.
А вот – о Николае Рубцове:
У матросов – нет вопросов, я, наверно, не матрос...
Почему мы смотрим косо на того, кто в небо врос?

И – апофеозом – о любимой, о музе и ангеле-хранителе: «Санта-Ирина – моя бригантина»!

Можно спорить: «Игорь Царёв – поэт речной...» (так сказал на подведении итогов конкурса «Пятая стихия» Международной литературной премии имени Игоря Царёва – 2015 поэт Игорь Витюк)... Он же пишет об Амуре:

Кто-то рос в Крыму, ел зимой хурму,
Кто-то мог смотреть на столичный цирк,
А меня все детство качал Амур,
И кедровой далью поил Хехцир.

Я, еще волчонком покинув кров,
Обижать себя не давал врагам,
Ведь волной амурской кипела кровь,
И дарила силу свою тайга.

А ещё в его стихах – Катунь-река, Ока и Кама, «русские реки Убля [1] и Воля [2]»...

А стоит ли спорить? О чём бы Игорь Царёв ни писал в своих стихах, делал он это непременно талантливо!

На Дальнем Востоке – родине Игоря Царёва – его имя известно. Здесь, «в городе Ха» – Хабаровске живут родители поэта: Вадим Петрович Могила и Екатерина Семёновна Кириллова – корни, без которых не взросло бы дивное древо поэзии Игоря Царёва! Екатерина Семеновна Кириллова – учитель русского языка и литературы хабаровской школы, Вадим Петрович Могила – профессор Дальневосточного государственного университета путей сообщения, «настоящий физик».

Физика и лирика – родительские начала – переплелись в жизни и творчестве Игоря Царёва. Приняв решение идти по стопам отца, Игорь поступил в Ленинградский электротехнический институт. По распределению работал в Москве в «секретном ящике», занимался расчётами полётов.

Лирика пересилила, и Игорь Могила под псевдонимом Царёв начинает журналистскую и писательскую деятельность, итогом которой стали сотни публикаций. Желание рассказать людям о чудесах физики вылилось в научно-популярные издания – 16 научно-популярных книг, в том числе в соавторстве с женой Ириной Царёвой и другими авторами: «Колдун России»; «Планета призраков» (1990); «Знание» (1991); «Энциклопедия чудес» (1998); «Проект «Колесо фортуны»; «Формула удачи» (2001); «Призраки живой планеты» (2002); «Тайны неведомых сил» (2005); «Тайна ведьминых кругов» (2005); «Кунсткамера тайных знаний» (2006); «Если» (1994, №№2, 10); «Синдром зомби», «Эзотерические знания, откуда они», «Мы живем в «неонке», «Сникерс и памперс в одном флаконе». При жизни вышли сборники стихов «Море камни не считает» (2002) «Соль мажор» (2011), электронный сборник «Переводы с языков пламени» (2013), и посмертно, благодаря Ирине Царёвой – «Любя и веря вопреки...» (2014).

В ноябре 2015 года Игорю исполнилось бы 60 лет! Прошедший год отмечен созданием в Хабаровске межвузовского ЛИТО им. Игоря Царёва.

Готовится в Хабаровске открытие мемориальной доски на школе Пяти Героев Советского Союза, где учился поэт.

О волшебстве и чеканной силе строк поэта-романтика и поэта-гражданина Игоря Царёва и я говорю не первый год. Это и публикации в журналах «Аргументы времени» в 2014 г., «Дальний Восток» – в 2015 г., и выступления на радио «Восток России», и видеосюжет местного телевидения о творчестве И. Царёва с участием его родителей, продемонстрированный по центральным каналам.

Но главное, конечно, живое слово, когда можно посмотреть аудитории в глаза. И тогда, как в стихотворении Игоря «Скрипачка»:

И огоньком ее прелюдий
Так освещается житье,
Что не толпа уже, а люди
Стоят и слушают её...

Стихи Игоря Царёва регулярно звучат в Краевом доме творческой интеллигенции; на встречах с учителями русского языка и литературы, на вебинарах в Хабаровском краевом институте развития образования – это прямое включение школ края в 17 муниципальных районах. А территория у нас – ого-го: площадь почти 800 000 квадратных километров (точнее – 787 633 кв. км.) – 4-е место среди субъектов Российской Федерации!.. от моря до моря: омывается край Охотским и Японским морями).

Дети 26 национальностей учатся в школах края, а государственный язык – русский, поэтому я с уверенностью говорю, что вместе с учителями и преподавателями русского языка и литературы на Дальнем Востоке мы пропагандируем современную русскую литературу и нашего земляка – Игоря Царёва. Наши студенты публикуют по итогам Студенческой весны свои эссе о текстах стихов Игоря Царёва. В 2015 г. несколько публикаций пришлось по вкусу благосклонной «Избе-читальне», спасибо большое Валерию Сергеевичу Белову!

Мне по роду деятельности выпало работать и с государственными и муниципальными служащими – читать лекции в Высшей школе государственного управления. И своим слушателям с гордостью говорю о нашем поэте и о том, что пора включить его произведения в школьную программу.

Люди серьёзные хотят мотивировки: почему именно Игоря Царёва? Стараюсь убедить: классик!

Доказываю: Игоря Царёва знают во многих странах, не только ближнего, но и дальнего зарубежья! В конкурсе «Пятая стихия» участвуют поэты из Австралии, Бельгии, Германии, Израиля, Польши, США, Франции. Профессор Анатолий Ливри, тонкий эстет, сам прекрасный поэт, читает цикл лекций в Ницце (Франция) о современной российской поэзии и о творчестве Игоря. В Лос-Анджелесе (США) более двух десятилетий ведёт русские музыкально-поэтические гостиные Анатолий Берлин. Он – ценитель и пропагандист творчества Игоря Царёва.

Царёву подвластны все жанры и стили. Он умно «поверяет алгеброй гармонию». В его стихах есть классические приёмы, нам с вами очевидные: языковая игра, омонимия, паронимическая аттракция (ужалят-жалость; косы – как осы):

Млечный путь питают, трескаясь, кокосы.
У туземок на уме сплошная шалость –
С тонкой ниткой бус на талии, как осы,
Не ужалят, так возьмут тебя на жалость.

Его развёрнутые метафоры оригинальны и непредсказуемы:

Оркеструя этюды Листа
Свистом ветра и хрустом наста,
Ночь, как Линда Эвангелиста –
Потрясающе голенаста!
Вероломно меняя облик,
В звёздном шарфике от Армани
То – куражится в пасадобле,
То – вальсирует над домами...

Игорю замечательно удаются портреты – в его стихах живут Борис Пастернак, Николай Гумилёв, Булат Окуджава, Николай Рубцов и Иосиф Бродский, которых он ощущает братьями по крови и по духу. У него в галерее Марина Цветаева и Анна Ахматова...

Игорь Царёв, действительно, человек эпохи. А может быть, человек-эпоха? Это покажет время. Только большой поэт мог написать:

...Я не ношу атласные лампы
И не смотрю на рифмы свысока –
Я рядовой словарного запаса,
Я часовой родного языка...

В его стихах зашифрован код эпохи – это послание потомкам. Тексты нередко выводят на уровень философских, библейских рассуждений. Для их прочтения необходима духовная и лингвистическая подготовка, а потому интерес к ним будет только расти. И теперь – о будущем.

...Мне довелось бывать на круизном теплоходе «Сергей Рахманинов», а в Москву из Хабаровска в середине ноября я летела на воздушном судне «Фёдор Достоевский»... Думала о просторах русской литературы, о просторах земли русской, о размахе русского таланта... Год литературы в России подходит к концу, но русская литература – бескрайняя Вселенная. Уверена, что появится судно «Игорь Царёв» и будет покорять просторы одного из океанов! Потому что настоящие поэты не кончаются во времени и пространстве, как и память о них!

Река Поэзии Капитана Игоря Царёва

... Течёт время, текут реки, большие и малые реки необъятной России. Немало воды утекло за пять лет. Именно столько времени прошло с тех пор, как ушёл от нас поэт Игорь Царёв, русский поэт, так любивший реки Родины.

Быть может, когда-нибудь учёный-филолог, исследуя феномен поэзии рубежа XX-XXI веков, напишет серьёзную работу, например... о гидронимах [1] в стихотворениях. И сей учёный муж с удивлением будет констатировать, что этих самых гидронимов немало в текстах Игоря Царёва (Могилы), [2] одного из Капитанов поэзии «порубежья тысячелетий».

Это его, Игоря Царёва, «... всё детство качал Амур / И кедровой далью поил Хехцир». Это он, Игорь Царёв, «... хотел бы жить на Оке / И не спрашивай его, почему...»

В новой книге Игоря Царёва «Дети Империи», редактором-составителем которой стала жена поэта Ирина Царёва, есть раздел, озаглавленный «... и отражается река, и наши мысли, и мы сами». Игорь Царёв «отражается» в стихотворениях этого раздела как энциклопедист: читатель, не очень искушённый в географии, например, не являющийся членом Российского географического общества, не участвовавший в Географическом диктанте, а потому не штудировавший географические атласы в последнее время, может, и знать не знал, что есть на Рязанщине речка Вобля, а под Старым Осолом – речка Убля.

А вот Игорь Царёв, переосмысливая эти названия в планетарном масштабе, – а как иначе может мыслить ответственный редактор «Российской газеты»? – пишет стихотворение «Русские реки Убля и Вобля», которое я позволю себе процитировать: уж больно нестандартный материал!

С какого вопля, судите сами,
Пошло название речки Вобля?
Да и земля хороша в Рязани:
Воткнешь оглоблю – цветет оглобля!
А потрясенье берез осенних!
А небо... Братцы, какое небо!
Не зря тут жил хулиган Есенин.
А я, признаться, почти что не был –
Так... Пару раз проезжал на «скором»,
Глядел в окошко, трясясь в плацкартном...
Зато под Старым гулял Осолом
На речке Убля (смотри по картам).
И там простор без конца и края,
И как в Рязани до слез красиво.
А то, что жизнь далека от рая...
Зато в названьях – какая сила!

Читая «русский народ загублен»
В газетах Дублина и Гренобля,
Я вспоминаю про речку Убля
С рязанским кукишем речки Вобля.

С хорошим лингвистическим уловом можно будет поздравить нашего гипотетического учёного-ботаника от филологии, если он, исследуя пресловутые гидронимы, то бишь названия водоёмов России, всерьёз возьмётся за стихотворение Игоря Царёва с незатейливым названием «Рыбацкое-простецкое». В этом тексте столько названий рек, что лишь по одному этому тексту запросто (было бы желание!) можно составить тематический пятничный сканворд для хабаровской краевой газеты ТОЗ [3], которую выписывали родители будущего поэта в его детские и школьные годы.

Собственно, о стихах нельзя рассказывать – их нужно слушать и читать. Судите сами:

Хорошо по **Каме** плыть
рыбакам –
не мешают берега
по бокам.
Там под юною волной
Озорной
ходит щука, словно туз
козырной.

По **Усури** разгулялся
ленок.
На **Амуре** бьют налимы
у ног.
А в Сибири выдает
Ангара
три ведра плотвы за час
на гора.

Из **Туры** по зову полной
Луны
выползают по ночам
валуны.
А когда идет на нерест
таймень,
варит рыбные пельмени
Тюмень.

Пусть невиданных доселе
Высот
достигают пустосель
и осот,
Тянет сети вдоль **Исети**
народ –
будет детям по рыбёшке

на рот.

Где по **Судогде**-реке
рыба язь
мутит воду никого
не боясь,
вобла стоит пяточок
за пучок,
так как ловится на голый
крючок.

И **Ока** для рыбака
хороша.
Широка ее речная
душа.
Возле Мурома, хоть дождь
мороси,
сами прыгают в ведро
караси.

Плещут **Волга** у порога
И **Дон**,
И дорогу заменяя
и дом.
Безотказно их живая
Вода
Сквозь рыбацкие течет
Невода.

А еще есть **Бия**, **Мга**
и **Уса**,
Индигирка, **Оленёк**,
Бирюса...
Даже только имена
этих рек
не испить тебе вовек,
человек!

Ритмы поэзии Игоря Царёва завораживают читателя и слушателя. А как по-разному текут и звучат его реки, и каждой реке умеет он найти особый ритм, а уж тексту, в который стеклось сразу столько рек, обязательно песенный напев! Вслушайтесь: точно, со второго дстуишия поётся, да ещё как!

Игорь Царёв всегда правдив в творчестве, именно поэтому так вольно, так легко, как на берегу реки, дышится в его поэзии. Истоки рек – в родниках, истоки писателя и поэта – в семье. Родители-преподаватели заложили в детстве основы нравственности, интерес к чтению. Отличная домашняя

библиотека сформировала вкус, умение ясно высказать то, что бродит в душе. Уже школьные работы Игоря, хранящиеся в семейном архиве, поражают отточенностью фраз и точностью прорисовки деталей. Я не оговорила: именно прорисовки. Игорь Царёв рисует образы словами и мастерски работает как художник-график. Это выходит у него настолько профессионально, что в «ленинградский период» учёбы в ЛЭТИ (Ленинградском электротехническом институте) Игорь с друзьями входит в Клуб ленинградских карикатуристов. Его шаржи и карикатуры с удовольствием размещают на своих страницах различные журналы, в том числе, журнал «Советский Союз»...

Ну, а мы отправимся дальше по рекам поэзии вслед за дальневосточником Игорем Царёвым, всегда мечтавшим стать капитаном:

Ну, не вышло из меня капитана!
Обнесла судьба пенькой и штормами.
Не оставила других капиталов,
Кроме слов, что завалились в кармане. (Стихотворение «Переводчик»)

Моря, реки, озёра, океаны – стихия поэта, его песня... Даже любовь к жене, которую называл Русалкой, преломляется в призме реки его судьбы – Амура: «У жены моей чудный цвет волос – / Как амурских кос золотой песок».

Отец Игоря, Вадим Петрович, вспоминая о сыне, рассказывает, как с детства брал его на лодке на рыбалку и на охоту, обучал мужскому ремеслу добытчика... На Дальнем Востоке Игорь побывал в самых заповедных уголках. В поэтическом альбоме Игоря Царёва – зарисовки экзотического дальневосточного озера Хасан с его реликтовыми розовыми лотосами, эхом боёв и тигриными тропами [4]:

Я там был... И как будто бы не был, потому что с годами забыл,
Как гонял между лугом и небом табуны диких кобыл.
А припомню – и легче как будто, что в далёком моём далеке
Удгейский мальчишка, как Будда, держит розовый лотос в руке.

«...был... И как будто бы не был...» Был! Конечно, был! В интервью порталу «Клубочек» в 2010 году Игорь сказал: «...многократно объездивший страну (и вдоль, и поперёк, и по диагонали) я немало повидал, и мои стихи в определённой степени – отражение увиденного. И хотя большей частью они, как Вы изволили выразиться, «документальны», – в них моя жизнь, мои мысли, моя любовь. Но задача поэзии состоит не только в том, чтобы отражать действительность, но и в том, чтобы создавать новые вероятностные миры...» [5].

Журналистская жизнь, работа в газетах делала жизнь Игоря Царёва кочевой. Его репортажи и очерки – не штамповка. А лучшее – отливало в стихи.

Стихотворение «Восход в Охотском море» – о рыбацком утре на траулере, это не нежная акварель и не «картина маслом», а скорее – рабочая фотография без макияжа и фотошопа, с утренней щетиной на щеках тех, кто кормит край мнтраем:

На море все восходы превосходны.
Животворящ зари гемоглобин,
Когда под звук сирены пароходной
Всплывает солнце из немых глубин,
И через шторм и злые крики чаек,
Сквозь скальпельный разрез восточных глаз
Тепло, по-матерински изучает
Пока еще не озаренных нас –
Невыбранных, усталых, невеликих –
Сочувствует и гладит по вихрам...
И мы лицом блаженно ловим блики,
Как неопиты на пороге в храм.

Пусть за бортом циклон пучину пучит,
Валы вздымая и бросая ниц,
Пусть контрабандный снег лихие тучи
В Россию тащат через сто границ –
Наш траулер (рыбацкая порода!),
Собрав в авоську трала весь минтай,
Царю морскому гордый подбородок
Нахально мылит пеной от винта.
А мы считаем светлые полоски
На тельниках и радуемся дню.
Восход с тарелкой макарон по-флотски –
Сам Бог не знает лучшего меню.

От сурового Охотского моря до черноморского побережья в крымско-волошинский Коктебель переносят нас стихи Игоря Царёва. А из прекрасного Коктебеля – в нереальный океан снов и открытий Капитана Царёва:

С хрупким грузом королевского фарфора
Паруса наполнив звездами зюйд-веста,
Сны мои, как каравеллы Христофора,
Каждый вечер уплывают в неизвестность.

Много, много воды речной утекло в те моря-океаны, о которых писал поэт. Продолжает бушевать «Пятая стихия» поэзии Игоря Царёва. За годы без Капитана «Санта Ирина», его бригантина, ни разу не сбилась с проложенного курса. За штурвалом вахтенным стоит сама Ирина Царёва. Бьют корабельные склянки, отсчитывают время...

В поток лауреатов конкурса Международной литературной премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия» вливаются новые ручьи и реки поэзии вот уже пятый сезон. Игорь Царёв помогает открывать новые имена...

В Хабаровске стали традицией ежегодные Царёвские чтения «Царёв. Хабаровск. Россия». На них встречаются школьники и студенты, писатели и поэты, учёные Хабаровска. Неизменно выступает на пленарном заседании

хрупкая женщина с молодым и сильным голосом – мать Игоря Царёва Екатерина Семёновна Кириллова. Её слова о сыне высекают искры из сердец участников. И появляются вдохновлённые словами матери эссе в сборниках студенческих научных работ, и читают стихи Игоря Царёва на школьных городских конференциях «Шаг в науку». Учителя Хабаровского края ратуют за включение поэтических текстов Игоря Царёва в Хрестоматию по дальневосточной литературе (7 класс), а светлой памяти ответственный редактор учебного издания – профессор Педагогического института Сергей Иннокентьевич Красноштанов с энтузиазмом поддерживал учительскую инициативу, советовался, какие тексты отобрать для ребят.

4 апреля 2016 года в Хабаровске на стене здания школы №15 была открыта мемориальная доска в память об ученике этой школы, поэте, писателе, публицисте, шеф-редакторе «Российской газеты» Игоре Царёве. Дата была выбрана не случайно – Игорь Царёв, признанный по итогам 2012 г. лучшим русскоязычным поэтом России, ушёл из жизни 4 апреля 2013 г. на рабочем месте – в кабинете шеф-редактора «Российской газеты». В торжественной церемонии приняли участие и преподаватели, и студенты ДВИУ РАНХиГС, и хабаровское отделение Российского союза писателей, приложившие немало усилий для того, чтобы память об Игоре Царёве была сохранена на его малой родине. Событие освещалось тремя каналами ТВ, в том числе «Россией 24». В нём участвовали редакции журналов «Дальний Восток», «Аргументы времени», Всероссийское общество охраны памятников искусства и культуры, администрация города и Железнодорожного района, литературная общественность, школьники, студенты. Игорь Царёв – наш земляк, учился в школе №15, известной в Хабаровске как «школа Пяти Героев», из стен которой вышли 5 Героев Советского Союза. Их имена навечно высечены на памятных досках на Стене Героев школы. Теперь к ним добавилось ещё одно имя – Игорь Царёв. Исполнил памятную доску художник Владимир Валентинович Гуенок, руководитель проекта – Сергей Петрович Чухломин.

На церемонию открытия из Москвы прибыли жена поэта – Ирина Царёва, член Союза писателей России, академик Академии российской академии словесности; внук поэта Александр – магистрант одного из московских вузов. На открытии мемориальной доски выступила мать поэта, полвека преподававшая в школе №15 русский язык и литературу – Екатерина Семёновна Кириллова... Это Хабаровск, наши дни.

Но вернёмся в день вчерашний, перенесёмся памятью ровно на два десятилетия назад. Игорь Царёв жив, Москва, 1998 год. В московском издательстве «Голос» десятитысячным тиражом вышла книга Игоря Царёва «Энциклопедия чудес» – и тут же стала бестселлером. На первой странице автор даёт определение чуду, а в самой книге физик Игорь Царёв материалистически объясняет многие явления, которые принято называть сверхъестественными.

Сегодня феномен поэта Игоря Царёва, Капитана российской поэзии рубежа тысячелетий, тоже можно назвать чудом. Попробуем объяснить это чудо рационально, как Игорь в своей книге 20 лет назад.

Классическая по сути поэзия нашего земляка помножена на его энциклопедичность. Добротная «выделка» текстов, филигранно украшенная

резьбой языковой игры, сразу обращает на себя внимание. Рифмы точны и разнообразны. Тексты вписаны в традиции русской поэзии. Сегодня поэзия Игоря Царёва – парус и компас в продвижении русского слова как одного из символов русской культуры в страны Восточной Европы. Эту идею поддержал Президентский клуб «Доверие» (г. Москва), Евразийский Инвестиционный Союз, участвовавшие в подведении итогов конкурса Международной литературной премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия» – 2017 в Москве.

И вновь – о... гидронимах и о нашем виртуальном учёном. Поэтическая река, принявшая в своё русло поток по имени Игорь Царёв, зовётся Мировая Поэзия. По картам «Пятой стихии» мы точно знаем, что воды её омывают Дом Берлиных в Лос-Анжелесе, Израильский берег, немецкий Гамбург, подкапывают к улочкам старой Риги, спешат в белорусский Минск и французскую Ниццу, в Новую Зеландию и Австралию, в каштановый Киев, где упокоился пращур Игоря Царёва – митрополит Пётр Могила...

Капитан Игорь Царёв принимает поэтический парад, стоя высоко на капитанском мостике, вне времени... Его призвала туда повестка из песни-притчи Виктора Скоробогата, написанной через три дня после ухода из жизни Капитана:

Посвящение Игорю Цареву

По неписанным сводам законов
В мироздании все так непрочно,
И к поэтам своих почтальонов
Посылает небесная почта.

И с холодным весенним рассветом,
Что, как бритвою по занавеске,
Почтальоны приходят к поэтам
И вручают поэтам повестки –

Дай им, Господи, дай им,
Всем, кто её получил,
Дай им, Господи, дай им
Белой бумаги, синих чернил!

Почтальоны приходят некстати,
И сначала не верится в это,
Но стоят на повестках печати,
А повестки небесного цвета...

И нельзя не открыть почтальонам,
Даже если оборвана строчка –
По неписанным небом законам
Не дается поэтам отсрочка.

Дай им, Господи, дай им
Всем, кого ты отличил,
Дай им, Господи, дай им
Белой бумаги, синих чернил!

Игорь Царёв теперь там, где всем хватает «белой бумаги, синих чернил» – в Пантеоне друзей-поэтов, его строки о которых вошли в антологию мировой поэзии, а на земле высечены в камне: Бродский, Окуджава, Северянин, Цветаева, Рубцов, Ахматова, Гумилёв...

Время, которое отбивают поэтические склянки, всё расставляет по своим местам, а книги поэтов – по книжным полкам.

Оружие интеллектуальной экспансии. О конкурсе имени Игоря Царёва

Если на улицах наших городов обратиться к прохожим с вопросом: «Кого из современных русских поэтов вы знаете?», то многие окажутся в затруднительном положении. Те, кто постарше, пожалуй, назовут Евтушенко, Рождественского, Вознесенского, Ахмадуллину, Казакову и ещё несколько имён. А молодёжь в большинстве своём вряд ли то-то ответит...

О чем это говорит? Быть может, о том, что Её Величество Поэзия жива лишь памятью о тех заповедных доперестроечных временах, когда каждое новое имя и каждая талантливая строка были интересны и литературной обществу, и всему народу? Как такое могло случиться в нашей стране, в которой поэтическое слово – одно из величайших культурных достижений?

Но говорить о том, что поэзия умирает, будет большой ошибкой. Интернет заполнен сайтами, где все желающие могут продемонстрировать свои поэтические достижения. В этом столпотворении легко потеряться, тем более что серая масса «рифмующих» порой не позволяет пробиться свету истинного таланта, а «популярность» часто определяется числом взаимных восхищенных отзывов групп «друзей», объединившихся «по талантам и интересам».

Решением этой проблемы могли бы стать поэтические конкурсы. И они в огромном количестве уже проводятся в сетях и литературных объединениях, хотя порой задача «отделения зёрен от плевел» перерождается, увы, в «междусобойчики», в которых победители определены заранее или же право быть замеченными участниками могут заработать разного рода взносами в копилку учредителей...

К счастью, бывает и иначе. Расскажу об одном из «чистых» конкурсов. С 2013 года проходит ежегодный поэтический конкурс Международной литературной Премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия». Знаю о нём не только потому, что Малая родина Игоря Царёва – Дальний Восток, мой родной город Хабаровск. Русским поэтом Игорем Царёвым я профессионально заинтересовалась еще до учреждения Премии его имени. Классические рифмы и настоящие поэтические образы текстов стихов И. Царёва стали объектом изучения для меня и моих студентов. Нами написаны и опубликованы в

сборниках научных и студенческих работ, в журналах многочисленные статьи о его творчестве. Имя Игоря Царёва стало знаменем молодежного ЛИТО г. Хабаровска, его стихи не первый год анализируются учителями-словесниками при подготовке к экзаменам по литературе учащихся школ. Игорь Царёв ещё при жизни называли «классиком»!

Не следует подозревать меня в том, что порой относят к «провинциальному честолюбию», требующему привлечения внимания к землякам. Игорь Царёв заслужил и получил всемирное признание, и замечательно, что его близкие, друзья и многочисленные почитатели во всем мире не хотят допустить, чтобы его творчество в наше беспмятное время ушло в небытие!

Об этом мы говорили на Первых Царёвских чтениях, которые прошли в Хабаровске в ноябре – начале декабря 2015 года на нескольких площадках. Открылись они в Дальневосточном институте управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (ДВИУ РАНХиГС) при Президенте РФ, где участников приветствовал директор ДВИУ Сергей Николаевич Кравцов, а завершились в Дальневосточном государственном гуманитарном университете. В Чтениях приняли участие мать поэта Игоря Царёва – заслуженный работник просвещения, учитель русского языка и литературы Екатерина Семёновна Кириллова, редактор отдела поэзии журнала «Дальний Восток» Елена Добровенская, доктора, кандидаты филологических наук, преподаватели вузов и средних специальных учебных заведений, поэты и писатели, студенты, слушатели духовной семинарии.

О широком признании творчества Игоря Царёва говорят и его победы в престижных конкурсах, звание «Поэт года-2012», ставшее его последней наградой (поэт умер через две недели после вручения ему «Золотого пера» Лучшего Поэта года»).

О значимости его творчества говорит и состав учредителей Премии имени Игоря Царёва, и состав информационных партнёров.

Учредителями Премии стали литературные объединения Германии, США, Украины, России, международные альманахи и литературные журналы, представители культуры – такие как Марк Розовский (драматург, режиссер театра «У Никитских ворот»), Людмила Мережко (заслуженный работник культуры РФ, директор Московского литфонда) и др.

Информационную поддержку проводимых конкурсов Премии осуществляют издание Правительства РФ «Российская газета», Издательский Дом «Книжное обозрение», Российский литературный журнал «Дальний Восток», Международный литературный журнал «Зарубежные задворки», Международный литературный журнал «Сетевая словесность», Международный творческий ресурс соотечественников «Подлинник», Интернет-журнал «Эрфолг», творческая гостиная DILIGANS (Украина), литературно-художественный журнал «Гостиная», ОРЛИТА (Объединение Русских ЛИТераторов Америки), радиостанция «Старое радио», сетевые поэтические сайты.

Конкурсная комиссия «Пятой стихии» создана не на основе художников или редколлегий организаторов, как это происходит обычно, а сформирована из сменяющихся членов жюри – представителей разных городов и разных стран. Работы конкурсантов поступают в жюри под зашифрованными

компьютерной программой номерами. Сама работа конкурсной комиссии абсолютно прозрачна – оценки каждого члена жюри, также выступающего под идентификационным номером, можно увидеть на сайте «Пятая стихия» на каждом этапе (туре) судейства в системе онлайн. Конкурсные работы сопровождаются комментариями литературного обозревателя из Украины, который также не знает имён участников и членов жюри, оценивающих работы.

Такая система не оставляет места для подтасовок и позволяет на конечном этапе конкурса открывать читателю имена ярких и талантливых поэтов, произведения которых отличаются благородством и честностью личного мироощущения, безупречным владением русским языком и высокой техникой стихосложения.

Всё это я сумела оценить уже после Первого конкурса «Пятой стихии» (2014), за которым внимательно следила. Девизом конкурса были последние строчки стихотворения Игоря Царёва «Недописанное»:

*... Слова, что тем и хороши,
Что в них – ни фальши, ни апломба,
Лишь сердца сорванная пломба
С неуспокоенной души...*

А когда назвали имена финалистов, стало ясно, что в числе лучших не только облаченные регалиями мэтры. Из двух поэтов, поделивших Гран-при и получивших главный символ Премии – «Большой Бронзовый колокол», один – уже признанный поэт из Москвы Юрий Гладкевич (Беридзе), а второй – Владимир Квашин, охотник из глухого таёжного поселка на Северном Урале. Тогда я поняла, что этот конкурс честно выполняет свою задачу поиска новых имён. Как тут не вспомнить грустно-ироническое стихотворение Игоря Царёва «Иероним»:

*Съели сумерки резьбу, украинскую избу.
Звёзды выступили в небе, как испарина на лбу.
Здесь живёт Иероним – и наивен, и раним
Деревенский сочинитель... Боже, смилуйся над ним!..
...На печи поёт сверчок, у свечи оплыл бочок –
Все детали подмечает деревенский дурачок:
Он своих чернильных пчёл прочим пчелам предпочёл.
Пишет – будто горьким мёдом... Кто б ещё его прочёл...*

Когда во втором сезоне ко мне пришло письмо с приглашением войти в состав жюри конкурса, я дала согласие. И работа в жюри, продолжавшаяся полгода (четыре тура, включая отборочный), подтвердила чистоту конкурса, которую я почувствовала изначально. Среди безымянно-нумерованных работ я нашла стихи, которые не могут оставить равнодушным даже взыскательного читателя!

...14 ноября 2015 года торжественной церемонией вручения награды был завершён Второй конкурс «Пятой стихии». Его лейтмотивом

стало стихотворение Игоря Царёва «Город ХА» («Ха» – это родной поэту Хабаровск).

*Гроза над Становым хребтом
В шаманские грохочет бубны,
И пароходик однотрубный,
Взбивая сумерки винтом,
Бежит подальше от греха
К причалу, пахнущему тёсом.
Туда, где дремлет над утесом
Благословенный город «Ха»...
...Я с детства помню тальники
И лопухие саранки,
И уходящие за рамки
Кварталы около реки,
Коленопреклоненный дом
В дыму сирени оголтелой...
И до сих пор сквозь все пределы
Я этим городом ведом.
Я вижу и закрыв глаза
Сквозь сеть ненастного ажюра,
Как от Хехцира до Джугджура
Гремит шаманская гроза...
И переборками звеня,
Держа в уме фарватер трудный,
Мой пароходик однотрубный
Опять уходит без меня.*

Строчки «...И до сих пор сквозь все пределы я этим городом ведом...» из этого стихотворения и стали девизом Второго конкурса, итоги которого были подведены в ноябре 2015 года к юбилею поэта – до своего шестидесятилетия он не дожил два года семь месяцев и семь дней...

Финалисты были определены ещё в августе – сильный состав, представляющий не только Россию, но и зарубежье. Часть имён известна по многим победам, по публикациям в сетевых и печатных СМИ. Но, как и в предыдущем сезоне, прозвучали новые имена. И то, что их открыла «Пятая стихия», – большая победа организаторов этого конкурса.

Но Гран-при в этом сезоне не достался никому. Такое решение приняли учредители, посчитавшие, что до единогласно признанного победителя не дотянул ни один финалист. Однако были отмечены и премированы «Специальным призом учредителя» четыре основных претендента на это звание: Елена Копылова (Латвия, Рига), Клавдия Смирягина (Санкт-Петербург), Галина Булатова (Казань), Наталья Малинина (Ярославль).

Были и другие специальные призы, учрежденные общественными организациями. «За мужественную гражданскую позицию в поэзии и прозе» – от МОО «ИЗБА-Читальня», «За глубокое творчески-профессиональное

отношение к русской классике XXI Века – поэзии Игоря Царёва» – от директора Московского Литфонда Л.Н. Мережко, «За лучшее стихотворение о Санкт-Петербурге – одном из городов-судеб в жизни и творчестве Игоря Царёва» – от Оргкомитета «Пятой стихии», специальный приз «Надежда» начинающему поэту, «За верность традициям классической поэзии» – от ЛИТО им. Игоря Царева (г. Хабаровск).

Не только для всех присутствующих, но и для самих учредителей первых двух специальных призов стало неожиданностью, что их получил один и тот же человек – Анатолий Ливри (Швейцария, Базель), поэт, профессор Университета Ниццы, ведущий курс семинаров о современной русской поэзии, автор ряда публикаций (в том числе и в России) на самые острые философские и социально-политические темы. Его творчество привлекает внимание серьёзных учёных-лингвистов. Например, Наталья Пахсарьян, профессор кафедры зарубежной литературы МГУ им. М.В. Ломоносова, пишет о сборнике стихотворений поэта: «В пестрой и разнообразной картине сегодняшней поэзии, отличающейся обилием имён, течений, школ, появление сборника Анатолия Ливри, тем не менее, вряд ли останется не замеченным, поскольку «Сын Гнева Господня» обладает своим, «необщим выражением».

...И всё же, если искать особенно близкие Ливри поэтические голоса, то обладатели их самим поэтом не называются, а, скорее, угадываются читателем, слышатся в своеобразной вязи сложносоставных прилагательных и причастий – как у Бальмонта или Северянина («терпандрострунный», «омандельштамлена», «пестросапожная», «закатно-ржавая», «усталодланная», «черночешуйный», «исчерноземлен» и т.п.), в игре созвучий («Ярися, ярь», «наст – ностальгии», «рифов рифм»), и ритмике строф («О нем довольно... Бью челом Очеловечцам слов заочно») – как у Марины Цветаевой. Неуловимое сходство с её поэзией возникает и в ломкой динамике строк («растерзан века и собак Клыкком – история не нова»), в соседстве «цветаевских» слов «стан» и «рябина» («черный стан рябины островной»), в своеобразном частом использовании тире («Сквозит ладонь – нет кисть! – плотиной»).

За стихотворение о Санкт-Петербурге приз был вручен тоже иностранцу – Анатолию Берлину (США, Лос-Анджелес).

Приз «Надежда» получил очень молодой, но подающий большие надежды Сергей Курьян (Хабаровский край).

И ещё были «Призы симпатий» от литературного обозревателя, членов жюри, членов оргкомитета, от жены поэта Ирины Царёвой. Ими наградили поэтов России и зарубежья: Геннадия Акимова (Курск), Анастасию Приеднице (Латвия), Майю Шварцман (Бельгия), Юрия Бердана (США) – два приза, Татьяну Комиссарову (Москва), и... снова Анатолия Ливри (Швейцария).

Не могу не отметить, что и это был не последний приз Ливри. Его представителю пришлось выходить на сцену четыре раза!

Ведь кроме номинации «Поэзия», была ещё номинация «Верность памяти», один из призов которой – «Малый Бронзовый колокол» с формулировкой «За популяризацию творчества Игоря Царёва в академической среде Франции» – также был вручён Анатолию Ливри! Лауреатами этой номинации стали ещё восемь человек – за переводы стихов Игоря Царёва, за организацию

конкурсов и создание литературных объединений его имени в других регионах, за популяризацию его творчества в стихах и прозе...

Отдельное слово об особой номинации Премии – «Музыкальные произведения», учрежденной радиостанцией «Старое радио» (автор проекта – поэт, музыкант, солист ВИА «Синяя птица» Юрий Метёлкин). Были, конечно, опасения, в том числе и у самого Метёлкина, что номинация провалится из-за непрофессионализма многочисленных авторов, пишущих песни на стихи Царёва. В интернете число таких песен уже перевалило за две сотни, и с каждым днём их становится больше. Стихи, в которых уже есть своя музыка, притягивают, их хочется спеть, но, увы, многие чувствуют и понимают текст по-своему, не вдумываясь в то, что заложил в них поэт. И тогда «музыка» вступает в конфликт с текстом. Все это учредители знали, но на эксперимент решились.

...И вот победители этой номинации держат в руках «Средний Бронзовый колокол», звучат их песни, и зал взрывается аплодисментами...

Победители Первого сезона Премии – Ольга Кузнецова (Москва) и Владимир Зачепа (Харьков, Украина). Второй сезон украсили новые имена: Александр Ермаков (Тула) и дуэт «АкваЛибра» из Балашихи – Мурат и Татьяна Елекоевы. И ни у кого не осталось сомнений – настоящие победители, сумевшие создать произведение, позволяющие не только высоко оценить их музыкальность, но и почувствовать новые грани и оттенки самих стихов...

Церемония вручения наград Премии имени Игоря Царёва традиционно завершаются презентациями.

В прошлом году это была книга Ирины Царёвой «Ангел из Чертаново», посвященная мужу и повторяющая название одного из известных его стихотворений.

В этом сезоне презентовался сборник «Пятая стихия», в который вошли стихи лауреатов Премии. Такие сборники будут выходить после каждого конкурса. Их ждут не только в нашей стране, но и за рубежом, где живут и пишут на русском языке участники конкурса. А вместе со сборниками в другие страны отправятся и музыкальные диски с песнями победителей «Музыкальные произведения», презентация которых прошла одновременно со сборниками стихов.

Да и следующий сезон Премии (2016), который уже объявил о своём старте на сайте «Пятой стихии», будет отмечен презентацией нового сборника стихов лауреатов и новым музыкальным диском, которые так же, как и презентованные в этом году, найдут своих читателей и слушателей и у нас, и за рубежом. География Премии имени Игоря Царёва охватывает практически все регионы РФ: от Дальнего Востока до Калининграда, всё Ближнее зарубежье и значительную часть Дальнего зарубежья – США, Германию, Францию, Австралию, Польшу, Швецию, Швейцарию, Бельгию, Израиль, Португалию...

Замечательно, что на церемонию вручения наград приезжают или присылают своих представителей участники из самых дальних уголков нашей страны и из-за рубежа. Ведь и меня не остановили тысячи километров и семь часов полёта от Хабаровска до Москвы!

Вот только несколько отзывов о финале конкурса «Пятая стихия – 2015»:

– Виктор Маньков (Удмуртская республика): «Меня переполняют чувства от теплой встречи церемонии вручения наград конкурса «Пятая стихия – 2015». Все еще нахожусь под впечатлением от соприкосновения с разумным, добрым, светлым и радостным, от сопричастности к родному, близкому и Великому... Два дня, проведенных в Москве, надолго останутся в сердце, согревая и вдохновляя на жизненном пути, даруя малиновую благодать колокольного звучания...»

– Галина Булатова (Татарстан): «Безграничное счастье и волнение – так можно описать эмоции призеров. Награды тем более ценны и весомы, что конкурс «Пятой стихии» – одна из тех немногих литературных премий, где все честно, все по-настоящему и все справедливо».

– Клавдия Смирягина (Санкт-Петербург): «Я до сих пор нахожусь под впечатлением от праздника, да-да, праздника, который нам подарили. Такая теплота, такая душевная семейная атмосфера дорогого стоит».

– Анатолий Берлин (США), глава литературно-музыкального салона в Лос-Анджелесе. Вернувшись в США из Москвы, где в качестве лауреата вместе со своей женой Софией присутствовал на церемонии вручения наград, он распространил по многим адресам зарубежья свой «отчёт» о поездке в Москву. Вот небольшой отрывок: «...награждение, которое дорого памятью о большом поэте Игоре Царёве, с которым судьба свела на непростительно короткое время. Международная литературная премия имени Игоря Царёва увековечила память об этом исключительном человеке. Учёный, поэт, журналист, исследователь, писатель, Игорь Царёв войдет в русскую литературу как классик. Второй год итоги конкурса «Пятая стихия» объявляются ко дню рождения Игоря. В прошлом году я получил приз «Малый Бронзовый колокол», который ждал моего приезда в Москву. В этом году меня наградили Дипломом конкурса за лучшее стихотворение о Санкт-Петербурге – одном из городов-судеб в жизни и творчестве Игоря Царёва. Вручение премии происходило в библиотеки имени М.Ю. Лермонтова. Прекрасное здание библиотеки стало традиционным местом проведения этого знаменательного мероприятия».

Надо отдать должное Ирине Царёвой – верной спутнице жизни поэта, соавтору ряда его прозаических произведений. Её любовь и преданность памяти мужа при неустанной поддержке всех членов семьи помогли донести до читающей России наследие великого поэта.

На церемонии, продлившейся около четырёх часов, присутствовало порядка восьмидесяти человек. Последовавшее за официальной частью застолье, на котором профессионально исполнялись стихи и песни на слова Игоря и стихи, посвященные памяти, ещё раз напомнили о значимости его вклада в русскую поэзию.

На следующий день группа из пятнадцати человек поехала к мемориалу Игоря Царёва, выполненному другом семьи, поэтом и скульптором Игорем Лукштом. Прекрасный памятник во весь рост, припорошенный снегом, мраморные стелы с его стихами... Бронзовый Игорь смотрел на нас, как живой. Возложили цветы, зашли в церковь, зажгли свечи. Попрощались...»

И ещё следует добавить, что именно Анатолий и София Берлины провели в Лос-Анджелесе вечер памяти Игоря Царёва, на который пришли те, кто и за пределами России трепетно относится к русской поэзии. А потом русскоговорящее зарубежье и в других городах посмотрело многочасовую запись этой встречи...

Международный конкурс имени Игоря Царёва ненавязчиво и без суетного шума не только открывает для России новые имена талантливых людей, но и продвигает русское поэтическое слово по всему миру. Информационные партнёры премии на своих ресурсах печатают подборки стихов лауреатов конкурса, которые становятся доступны для читателей всего мира.

Важно ли это для расширения ареала русской поэзии, свободной от официальных рамок писательских союзов?

На этот вопрос я отвечаю словами Людмилы Николаевны Мережко, директора Московского литфонда, заслуженного работника культуры РФ, прозвучавшими на церемонии:

«Если верить статистике, с момента распада Советского Союза количество людей – носителей русского языка сократилось почти на десять миллионов. И этот процесс продолжается. И ускоряет его агрессивная политика тех, кого на официальном уровне называют «нашими партнёрами». А нынешняя русофобская политика западных стран направлена на то, чтобы ослабить, а по возможности и уничтожить «русский мир». И первый шаг к этому – удар по языку.

Сокращение носителей русского языка неизбежно нанесет серьезный удар по русской культуре в целом. Переломить возникшую в настоящее время ситуацию можно только в том случае, если неповторимая по своей силе и красоте русская литература и ее высшее проявление – поэтическое слово – станут объектом экспорта и «оружием» интеллектуальной экспансии нашего языка...»

Региональные литературно-художественные произведения как источник изучения современного русского языка в вузе и в школе

Проблема снижения качества устной и письменной речи очевидна. Общество бьёт тревогу, и с энергией и скоростью пожарных расчётов на помощь устремляются специалисты различных профилей. Популярными стали просветительские акции.

6 июня в День русского языка и в День рождения поэта А.С. Пушкина Общероссийская общественная организация «Ассоциация учителей литературы и русского языка» совместно с Федеральным государственным бюджетным образовательным учреждением высшего образования «Московский педагогический государственный университет» и Некоммерческим партнерством по содействию в поддержке и сохранении русского языка «Родное слово» проводят Пушкинский диктант. Форма стала популярной, и вот уже Географический, Исторический и Этнографический диктанты латают бреш

в образовании современников. Однако только акциями положения не исправить. Внимание к речи и её смысловому наполнению – вещь необходимая. То, что большинство выпускников школ разучилось мыслить логично и излагать связно, демонстрируют итоговые сочинения, вновь введённые в практику выпускных классов средней школы.

Как научить людей XXI века говорить и писать грамотно? Наверное, нет универсального рецепта, но ясно, что должны быть образцы, на которые следует равняться. Да, Пушкин – это наше всё, это солнце русской поэзии, но в пушкинский текст, как в заповедный лес, сегодня без опытного проводника – ни ногой! А то и заплутать, и дров наломать недолго. В «Евгении Онегине» – «энциклопедии русской жизни» столько всего непонятого без комментариев Ю.М. Лотмана [5], что среднестатистический школьный учитель-словесник, пожалуй, не спасёт положения без этого мощного «навигатора».

Молодые люди всё реже цитируют Пушкина и всё меньше им интересуются – работ, посвящённых творчеству А.С. Пушкина и его современников, почти нет на школьных и вузовских научных конкурсах и конференциях. Л.Н. Толстого знают, но почти не читали – выручили экранизации.

Однако именно качественный, образцовый художественный текст – это инструмент формирования нравственности, художественного вкуса, формирования человека. Что же делать и как быть? Думаю, следует обратиться к источникам, которые ближе и понятнее сегодняшним читателям.

Есть ли классические тексты в современной литературе? Как их распознать? Положиться на чутьё редактора и собственное. Молодёжь всегда романтичнее старшего поколения, значит, не чужда поэзии. В Дальневосточном федеральном округе издаётся несколько «толстых» литературных журналов и один из лучших – российский литературный журнал «Дальний Восток», которому в октябре 2018 года исполнилось 85 лет.

Именно здесь начинал публиковаться Аркадий Стругацкий (повесть «Пепел Бикини» в соавторстве со Львом Петровым). Здесь печатались Пётр Комаров, Всеволод Сысоев, Николай Наволочкин и многие другие классики современной русской литературы. Сегодня авторы текстов публикаций демонстрируют высокий профессионализм, умение владеть родным словом. Читателей привлекает и местный колорит, и современная тематика. На рубеже XX и XXI веков Дальний Восток подарил России новые имена классиков. Среди них – Игорь Вадимович Могила (Игорь Царёв).

Он родился в Приморье в посёлке Гродеково, рос и учился в школе в Хабаровске, а потом – в Ленинградском электротехническом институте. Но с детства инженер Игорь Могила писал стихи, и выбор между физикой и лирикой свершился в пользу последней.

4 апреля 2013 г. в рабочем кабинете закончилась литературная и журналистская деятельность Игоря Царева (Могила) – ответственного редактора «Российской газеты», заместителя шеф-редактора «РГ-Неделя». До этого он работал в редакциях газет «Труд» и «Московский комсомолец», публиковал шаржи в журнале «Советский Союз», печатался в журнале «Студенческий меридиан». На его счету более тысячи публикаций, в том числе

солидные научно-популярные издания. В 2012 году Игорь Царёв принял участие в конкурсе национальной литературной премии «Поэт года» и был удостоен первой премии [7: 502]. «Он награжден «Золотой Есенинской медалью», «Серебряной медалью Николая Гумилева», дипломами «Золотое перо Московии», «Золотое перо Руси», «За верное служение Русской культуре и литературе», имени В.И. Вернадского, Александра Блока и другими [7: 503].

Тексты стихотворений Игоря Царёва образцовы по форме и содержанию, информативны. Им, без сомнения, присуща фасцинативность. «Фасцинативность – это совокупность характеристик текста, превращающих этот текст в объект притяжения для адресата... фасцинативный текст становится более значимым при повторном обращении к нему, он не поддаётся сжатию либо расширению, то есть обнаруживает зависимость от своей формы» [1]. Современная лингвистическая наука активно развивает направление когнитивной поэтики. Ж.Н. Маслова подчёркивает, что «в силу такого качества, как фасцинативность, существующий поэтический текст не может быть изменён с помощью механизмов информационной компрессии без потери художественной ценности» [6]. Ценность поэтических текстов нашего земляка Игоря Царёва подтверждается учёными-языковедами.

В 2018 году тексты Игоря Царёва были включены в задания муниципального этапа Олимпиады школьников Хабаровского края по русскому языку. Так, учащимся 7-8-х классов были предложены следующие задания:

«Прочитайте фрагмент текста стихотворения И. Царёва «Окна Хабаровска». Какие средства выразительности речи использованы автором? (назовите примеры из текста и прокомментируйте их).

Кто-то рос в Крыму, ел зимой хурму,
Кто-то мог смотреть на столичный цирк,
А меня все детство качал Амур,
И кедровой далью поил Хехцир.

Я, еще волчонком покинув кров,
Обижать себя не давал врагам,
Ведь волной амурской кипела кровь,
И дарила силу свою тайга» [7: 206].

Для учеников 9-х классов были разработаны более сложные задания:

Задание 1.

Прочтите первую строфу стихотворения Игоря Царёва «Бродскому». Найдите в ней явление омонимии и определите, какое.

Не красками плакатными был город детства выкрашен,
А язвами блокадными до сердцевины выкрошен,
Ростральными колоннами, расстрелянную радугой
Качался над Коломною, над Стрельною и Ладогой...

И кто придет на выручку, когда готовит Родина
Одним под сердцем дырочку для пули и для ордена,
Другим лесные просеки, тюремные свидания,
А рыжему Иосику – особое задание...

Лефортовские фортели и камеры бутырские
Не одному испортили здоровье богатырское.
Но жизнь, скользя по тросику, накручивая часики,
Готовила Иосику одну дорогу – в классики [7: 311].

Задание 2.

Определите значение слова «фортели» («фортель») из третьей строфы стихотворения Игоря Царёва «Бродскому» (см. текст в задании 1). Составьте словосочетание или предложение с этим словом.

Задание 3.

«Топоним – это собственное название отдельного географического места (населённого пункта, реки, угодья и т.д.)» [4: 344]. Какие топонимы отражены в первой строфе стихотворения Игоря Царёва «Бродскому»? На какой город, прямо не названный в тексте, указывают данные топонимы? Запишите современное название этого города.

Тексты стихотворений И. Царёва можно рассматривать и с позиций научной составляющей их содержания. Ждёт своего исследователя работа о гидронимах в его стихотворениях. «Гидроним – собственное имя водоёма (реки, озера, моря и т.п.) как объект лингвистического изучения» [4: 76].

В недавно опубликованной книге Игоря Царёва «Дети Империи» (2018) есть раздел, озаглавленный «... и отражается река, и наши мысли, и мы сами». Игорь Царёв предстаёт в текстах этого раздела как энциклопедист. Российский читатель может и не знать, что есть на Рязанщине речка Вобля, а под Старым Осолом – речка Убля. Игорь Царёв, немало поездивший по стране в качестве журналиста, пишет стихотворение «Русские реки Убля и Вобля»:

С какого вопля, судите сами,
Пошло название речки Вобля?
Да и земля хороша в Рязани:
Воткнешь оглоблю – цветет оглобля!
А потрясенье берез осенних!
А небо... Братцы, какое небо!
Не зря тут жил хулиган Есенин.
А я, признаться, почти что не был –
Так... Пару раз проезжал на «скором»,
Глядел в окошко, трясясь в плацкартном...
Зато под Старым гулял Осолом
На речке Убля (смотри по картам).
И там простор без конца и края,
И как в Рязани до слез красиво.

А то, что жизнь далека от рая...
Зато в названьях – какая сила!

Читая «русский народ загублен»
В газетах Дублина и Гренобля,
Я вспоминаю про речку Убля*
С рязанским кукишем речки Вобля** [7: 269].

Стихотворение «Рыбачкое-простецкое» даёт читателю возможность называть на нить своей памяти бусины гидронимов:

Хорошо по **Каме** плыть
рыбакам –
не мешают берега
по бокам.
Там под юною волной
Озорной
ходит щука, словно туз
козырной.

По **Уссури** разгулялся
ленок.
На **Амуре** бьют налимы
у ног.
А в Сибири выдает
Ангара
три ведра плотвы за час
на гора.

Из **Туры** по зову полной
Луны
выползают по ночам
валуны.
А когда идет на нерест
таймень,
варит рыбные пельмени
Тюмень.

Пусть невиданных доселе
высот
достигают пустосель
и осот,
Тянет сети вдоль **Исети**

---

* Речка Убля – у Старого Оскола.

** Река Вобля протекает около Рязани.

народ –
будет детям по рыбёшке
на рот.

Где по **Судогде**-реке
рыба язь
мутит воду никого
не боясь,
вобла стоит пятачок
за пучок,
так как ловится на голый
крючок.

И **Ока** для рыбака
хороша.
Широка ее речная
душа.
Возле Мурома, хоть дождь
мороси,
сами прыгают в ведро
караси.

Плещут **Волга** у порога
И **Дон**,
И дорогу заменяя
и дом.
Безотказно их живая
Вода
Сквозь рыбацкие течет
Невода.

А еще есть **Бия**, **Мга**
и **Уса**,
Индигирка, **Оленёк**,
Бирюса...
Даже только имена
этих рек
не испить тебе вовек,
человек! [7: 271-272].

Тем, кого тема заинтересовала, рекомендуем обратиться к оригинальному тексту «Река Поэзии Капитана Игоря Царёва», опубликованному в пятом номере российского литературного журнала «Дальний Восток» за 2018 год [3]. Приведённые выше тексты не только вызывают интерес современного читателя, но и дают материал для межпредметных связей: география – русский язык – литература.

Стихотворения И. Царёва обладают глубоким гражданским смыслом, оказывают воспитательное воздействие на молодёжь, учат гордиться своей Родиной, родиной предков. «Молодая классика» России помогает растить людей, не равнодушных к родному языку и родному слову:

По тонкой грани между тьмой и светом,
Сквозь рифмы, как сквозь рифы корабли,
Проводят нас Верховные Поэты
К божественному краешку земли...
Я не ношу атласные лампасы
И не смотрю на рифмы свысока –
Я рядовой словарного запаса,
Я часовой родного языка.
Неровной строчкой гладь бумаги вышив,
Пишу, ещё не ведая о чём,
Но ощущая, будто кто-то свыше
Заглядывает мне через плечо.
«Я рядовой словарного запаса» [7: 268]

Легче писать о мёртвом поэте?!

*Рефрен-эпифора «... ещё живой» в стихотворении
и творчестве Сергея Сутулова-Катеринича*

Почему дилетанты считают, что стихи писать легче, чем прозу? Почему полагают, что для восприятия и интерпретации текста стихотворения не требуется особых интеллектуальных усилий, а роман А.С. Пушкина в стихах «Евгений Онегин» – это не то, что романы «Глибы» и «матёрого человечиска» Л.Н. Толстого?

При этом воинствующие дилетанты, столкнувшись с настоящей поэзией, называют её «заумью», считая, что поэзия – это рифмованная проза, менее серьёзная и более удобоваримая.

Думаю, до скрупулёзнейшего, то есть чрезвычайно тщательного, точного до мельчайших подробностей анализа романа А.С. Пушкина, произведённого гениальным Ю.М. Лотманом – «Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий», эти «эстеты» не дошли. А то стали бы говорить о «зауми» литературоведческого структурализма.

Итак, о чём я? Да о том, что качественная поэзия – та, над которой надо думать, разглядывая её, как советовал академик Н.М. Шанский, «под лингвистическим микроскопом». И, конечно, наслаждаться красотой поэтического слога, языковой игрой, неожиданными находками автора, связанными с развитием новых значений у знакомых слов, «огранкой» материала, его тщательной прорисовкой с использованием множества красок.

Именно такую профессиональную палитру настоящего художника, а не набор из шести детских цветных фломастеров демонстрирует нам Сергей Сутулов-Катеринич в своих поэтических текстах.

Сложные, насыщенные подробностями, прекрасными аллюзиями, портретами ушедших и ныне здравствующих людей, поэтические этюды этого удивительного автора никого не оставляют равнодушными: Сутулова-Катеринича или принимают, или не принимают.

А он, по-моему, не очень-то и заморачивается по этому поводу. Пишет, как дышит. Ощущение лёгкости, интеллигентного изящества сохраняется при чтении текста. Кажется, именно о нём напевал Булат Окуджава, помните?

*...Вымысел не есть обман, замысел - ещё не точка.
Дайте ж дописать роман до последнего листочка.
И пока ещё жива роза красная в бутылке,
Дайте выкрикнуть слова, что давно лежат в копилке.*

*Каждый пишет, как он слышит,
Каждый слышит, как он дышит.
Как он дышит, так и пишет,
Не стараясь угодить.
Так природа захотела.
Почему - не наше дело,
Для чего, не нам судить.*

Взыскательного ценителя поэзии не может не привлечь оригинальный почерк Сергея Сутулова-Катеринича, его умение проявить мастерство, продемонстрировать «высший пилотаж» выучки (в хорошем смысле), щегольнуть применением приёмов языковой игры.

Начну, пожалуй, с удивительного букета заглавий: «Живой! (Поэллада)», «Январёнок, Тать и ключик Ять», «Земля-апельсин!», «Каламбуры бытия», «Стрекоза как заноза любви»... Каждый цветок-заглавие достоин внимания.

Е.В. Джанджакова когда-то назвала заглавия «чудовищно сжатыми аббревиатурами текста». Продолжая тему, позволю себе дополнить: поэзия – это чудовищно сжатая аббревиатура чувств, эмоциональных переживаний.

«Живой! (Поэллада)» обращает нас к творчеству Игоря Северянина с его особым жанром «позэ». У Сергея Сутулова-Катеринича жанр произведения чётко обозначен – поэллада... «Имеющий уши» читатель да услышит здесь и поэму, и балладу, и Элладу, и, наверное, что-то ещё. Вслушаемся, взглянемся, вдумаемся в текст:

*...Проснуться на рассвете от капли дождевой
И ласточке ответить, пока ещё живой.*

*Пейзаж великолепен до Первой мировой.
Куинджи жил, а Репин – уже всегда живой.*

*Играют в тети-мети [1] два пьяных мужика.
Есенин мчит в карете – ещё живой пока.*

*Записки на манжетах читает Вечный Чёрт.
Булгаков пьёт в буфетах без Мастера ещё.*

*Эйнштейн звезду отвертит? Куда пропал конвой?
Скрипач грустит под Верди, пока ещё живой.*

*Рейхстаг амбивалентен [2] до мировой Второй.
Георгий в киноленте – всегда святой живой.*

*Очнувшийся в кювете считает облака:
Прописана в бюджете волшебная строка.
Нет пули в пистолете? Приятель переиждёт.
Граф Дракула балетит, пока живой ещё.*

*Есть тайны – те и эти, весёлый вестовой.
Гагарин мчит в ракете – пока ещё живой.*

*Раздатчик междометий, на Марсе волком вой!
Высоцкий откуплетит: спасибо, что живой!*

*К последней сигарете – рюмашка коньяка.
Уже написан Вертер [3], пронзающий века.*

*Ромео о Джульетте спектакль испечёт.
Любимов – седолетний – уже живой ещё.*

*...Проснуться на рассвете под лавой снеговой,
Луч солнышка приметить: пока ещё живой!*

*Не для того, поверьте, рискуя головой,
Поэт молчит о смерти – уже всегда живой.*

*Гуляют по фуришатам четыре чудака,
А пятый – по планетам, ещё живой пока.*

*Играет на кларнете блаженный Башлачёв [4].
Анищенко [5] приветит, пока живой ещё.*

*Имён полно в газете – без третьей Мировой.
Через Инет глазейте: да здравствует живой!
Пить варево столетий Христу не впервой.
Нил Армстронг [6] засекретил подлунный позывной.*

*Гласит легенда: йети боится сквозняка,
Но мчится в драндулете живой ещё пока.*

*Спагетти на вельвете? Герой розовоцёк?
О. Бендеру налейте – уже! пока! ещё!*

*Подруг разбудит петел [7] – петух поддержит: свой!
Цени весну и ветер, пока ещё живой.
Любовь, надежды, дети – храни их, домовой.
Отец молчит о смерти – уже всегда живой.
.....
...Проснуться на рассвете от рифмы чумовой.
И Господу ответить: спасибо, Боже мой!*

Текст с отличным чувством ритма, практически сшитый повторами-эпифорами с инверсиями (перестановкой слов, их непрямым порядком по отношению к первому употреблению): «...пока ещё живой», «...уже всегда живой», «...ещё живой пока», «...пока ещё живой», «...всегда святой живой», «...пока живой ещё», «...пока ещё живой», «спасибо, что живой!», «...уже живой ещё» (оксюморон), «...пока ещё живой», «...уже всегда живой», «...ещё живой пока», «...пока живой ещё», «...да здравствует живой!», «...живой ещё пока», «уже! пока! ещё!», «...пока ещё живой», «...уже всегда живой».

Кроме эпифор (одинакового завершения строк), в тексте есть 3 ключевых повтора:

*...Проснуться на рассвете от капли дождевой;
...Проснуться на рассвете под лавой снеговой;
...Проснуться на рассвете от рифмы чумовой.*

И когда в них вслушиваешься и вдумываешься, понимаешь, что Поэлада «Живой!» – о жизни, о поэтах, которым так мало отпущено, о людях, которые жизнью своей творили поэзию космоса (Гагарин и Нил Армстронг) и потому «уже всегда живые». Философия жизни земной, физического существования и жизни вечной, жизни в памяти людей когорты «уже всегда живых» – одна из проблем текста.

В продолжение этой темы добавлю ещё один дистантный вариативный повтор, которым Сергей Сутулов-Катеринич одним росчерком пера соотносит первую и вторую половину XX века. В третьем двустишии у него:

Есенин мчит в карете – ещё живой пока.

А в девятом двустишии в аналогичной синтаксической конструкции (в широком смысле понимания термина – это синтаксический параллелизм), украшенной звуковым подобием: *карете – ракете* (слова различаются лишь первым слогом – это та самая языковая игра, паронимическая аттракция, которую непринуждённо демонстрирует читателю мастер). Однако на фоне внешней лёгкости формы лаконично, талантливо-точно прорисовано время и его ощущение людьми двух разных поколений,

заключённое в повторяющемся глаголе «мчит». Карета Есенина и ракета Гагарина, которые «мчат» – это символы двух эпох, а между ними менее полувека! Перед нами контекстные антонимы Сергея Сутулова-Катеринича, связанные моделью когезии (текстообразования) – эпитетическим повтором «...ещё живой» и нашим сегодняшним знанием – Есенин и Гагарин уже «всегда живые»:

Гагарин мчит в ракете – пока ещё живой.

Поэзладу (поэму и балладу?) «Живой!» Сергея Сутулова-Катеринича нельзя воспринимать в суете сиюминутности. Она требует вдумчивой исследовательской работы. Эти 23 двустишия, 46 поэтических строк нужно прочесть, отстранившись от дня сегодняшнего почти на столетия, потому что текст – аллюзия спетого Владимиром Высоцким на шестидесятилетия Юрия Любимова в театре на Таганке, то есть в канву текста вплетены биографии наших великих актёра и режиссёра. Судите сами, узнавайте, сравнивайте:

Юрию Петровичу Любимову
с любовью в 60 его лет
от Владимира Высоцкого

*Ах, как тебе родиться подфартило
Почти одновременно со страной!
Ты прожил с нею все, что с нею было.
Скажи еще спасибо, что живой.*

*В шестнадцать лет читал ты речь Олеси,
Ты в двадцать встретил год тридцать седьмой.
Теперь «иных уж нет, а те – далече»...
Скажи еще спасибо, что живой!*

*Служил ты под началом полотера.
Скажи, на сердце руку положив,
Ведь знай Лаврентий Палыч - вот умора! –
Как знаешь ты, остался бы ты жив?*

*А нынче - в драках выдублена шкура,
Протравлена до нервов суетой.
Сказал бы Николай Робертыч: «Юра,
Скажи еще спасибо, что живой!»*

*Хоть ты дождался первенца не рано,
Но уберег от раны ножевой.
Твой «Добрый человек из Сезуана»
Живет еще. Спасибо, что живой.*

*Зачем гадать цыгану на ладонях,
Он сам хозяин над своей судьбой.
Скачи, цыган, на «Деревянных конях»,
Гони коней! Спасибо, что живой.*

*«Быть или не быть?» мы зря не помарали.
Конечно - быть, но только начеку.
Вы помните: конструкции упали? –
Но живы все, спасибо Дупаку.*

*«Марата» нет - его создатель странен,
За «Турандот» Пекин поднимет вой.
Мужайся, брат, - твой «Кузькин» трижды ранен,
И все-таки спасибо, что живой.*

*Любовь, Надежда, Зина - тоже штучка! –
Вся труппа на подбор, одна к одной!
И мать их - Софья-золотая ручка...
Скажи еще спасибо, что живой!*

*Одни в машинах, несмотря на цены, -
Им, пьющим, лучшие б транспорт гужевой.
Подумаешь, один упал со сцены –
Скажи еще спасибо, что живой!*

*Не раз, не два грозили снять с работы,
Зажали праздник полувековой...
Тринадцать лет театра, как зачеты –
Один за три. Спасибо, что живой.*

*Что шестьдесят при медицине этой!
Тьфу, тьфу, не сглазить! Даром что седой.
По временам на седину не сетуй,
Скажи еще спасибо, что живой!*

*Позвал Милан, не опасаясь риска, -
И понеслась! (Живем-то снова!)...
Теперь - Париж, и близко Сан-Франциско,
И даже - при желании - Москва!*

*Париж к Таганке десять лет пристрастен,
Француз театр путает с тюрьмой.
Не огорчайся, что не едет «Мастер», -
Скажи еще мерси, что он живой!*

*Лиха беда - настырна и глазаста –
Устанет ли кружить над головой?*

*Тебе когда-то перевалит за сто –
И мы споем: «Спасибо, что живой!»*

*Пей, атаман, - здоровье позволяет,
Пей, куренной, когда-то Кошевой!
Таганское казачество желает
Добра тебе! Спасибо, что живой!*

Рефрен текста Владимира Высоцкого «Спасибо, что живой!» переключается с днями сегодняшними и с иным жанром – жанром кинодрамы «Высоцкий. Спасибо что живой», год выхода: 2011 [8].

Круговорот жизни, который вечен, кольцевая композиция Поэллады «Живой!» Сергея Сутулова-Катеринича – это послыл читателям и творцам. Нужно успеть сказать своё слово между «...пока ещё живой» и «...уже всегда живой». В том числе, сказать самому поэту, «...пока ещё живой», пока возможен диалог с ним, хотя это ответственнее и труднее. А тот, кто «...уже всегда живой», возразить не сможет...

Название текста «Январёнок, Тать и ключик Ять» – словно шифр, загадка, код, криптограмма (по-гречески – тайнопись). Сергей Сутулов-Катеринич приглашает читателя решить эту головоломку, используя детективные методы. Что «просвечивает» в заглавии? Имя Татьяна, связанное с январём? Что там спрятано автором? Татьянин день? Текст начинается пиршеством определений-эпитетов, разнопланово характеризуя «жизнь январскую»:

*...Январёнок, тебе плутать
по моим переулкам рваным –
барабанным, буранным, бранным...
- пред/экранным, пост/ресторанным! –
протаранил страницу Тать.*

Сочное стихотворение «Земля-апельсин!» – это буйство слов-характеристик эпохи ушедшей и ожидание Иного Человека: «...давай так и скажем: эпохе конец! – / не только твоей и моей распрекрасной, / провальной, банальной, ужасной, опасной, / безумной, безродной, беспечной, бесстрастной, / но целой стране – неизбежный звездец. / не верил отец, сохраняя билет – / партийный, великий, воспетый, треклятый, / надменный, священный, расстрельный, распятый, / кремлёвский, солдатский, рабочий, измятый – / но прятал за зеркалом Новый Завет».

Каждое определение – точное, как выстрел снайпера, попадает в цель: нашу память. А дальше начинается удивительная работа со словом в нашем сознании: идёт «развёртка», за каждым эпитетом – фрагмент фотографии эпохи. Складываясь, как пазлы, они дают цельный портрет.

В «Каламбурах бытия» – аллюзии, россыпь ярких метафор, каждая из которых достойна отдельного эссе: «метранпаж...жития»; «доллары луковых пенсий»; «Алиса – весталка зеркал забугорья»; «абсент бытия»; «процент вытия»; «Млечная река»; «опечатки Господни»; «минор ноября...»;

«стрекоза как заноза любви» – высокоэстетический текст, имеющий посвящение *«милой тётушке – Валентине Н. Катеринич»*.

Зная взыскательность и поэтический вкус адресата, автор начинает стихотворение изящным хиазмом – «мера времени в мире вранья, как химера вранья в море времени», а завершает запоминающейся развёрнутой метафорой – «стрекоза Сальвадора Дали, / как заноза любви в пятке Вечности!» В этой финальной метафоре перед нами предстаёт и эпатажный эстет Сальвадор Дали, и изящный намёк на ахиллесову пяту.

А внутри текста, населённого «графьями», генералами, печенегами, богинями смуглыми, трубачами, рифмачами, трюкачами – простор от Сырдарьи, Амударьи («аморальной дамы с камелией») и Арала до Байкала и Амура с «дискурсом призрачного Хабаровска» – гулять так гулять!

Тексты Сергея Сутулова-Катеринича не позволяют читателю расслабиться. Держат его в интеллектуальном тоне, кого-то заставляют «встать на цыпочки», потянуться, чтобы дотянуться и соответствовать в восприятии стихотворения уровню автора. Что ж, такой интеллектуальный фитнес очень полезен ценителям слова!

РАЗДЕЛ 2. ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

Три тайны последнего императора Китая ПУ И *Историческое исследование*

Узел памяти трёх народов завязался на российском Дальнем Востоке

Мы попробуем раскрыть три тайны Пу И – одного из главных свидетелей не начатой японцами бактериологической войны XX века.

Первая тайна – тайна имени. Речь пойдёт о последнем императоре Китая из династии Цин. В Китае даже в XX веке имя правящего императора было запрещено называть. Нарушителя ждала реальная китайская тюрьма.

Его полное имя Айсін Герó (Айсингёро) Пу И. Он – герой новейшей истории. Истории, которая еще не дописана, в которой немало тайн и загадок. Ключ к ней спрятан в сегодняшнем Хабаровске.

Вторая тайна – и второй вопрос истории: императором какого государства был Айсингёро Пу И? Кажется, ясно: раз говорим о китайском императоре, то и государство – Китай! Но в истории не все так просто: Айсингёро Пу И действительно был номинальным правителем Китая, когда вззошел на трон 2-х лет от роду. А когда «повзрослел» и ему исполнилось 4 года, от его имени отреклись от престола. При этом он продолжал проживать в Запретном городе (Гу Гун) в императорском дворце, на его содержание отпускались средства.

Детективная линия жизни Пу И закручивается в 1931 году: японцы создают марионеточное государство Маньчжоу-го, им нужен номинальный правитель. Они похищают Пу И, в багажнике спортивного автомобиля вывозят в оккупированную часть Маньчжурии – город Чанчунь. Айсингёро Пу И с 1932 г. – Верховный правитель, а с 1934 по 19 августа 1945 г. – император марионеточного государства Маньчжоу-го, которое существовало с 1 марта 1932 года по 19 августа 1945 года.

К Верховному правителю Пу И на долгие годы были приставлены японские «советники»: генерал Ёсиока Ясунори 吉岡 安直, лейб-советник императора; военный советник Акияма Ёситака 秋山義隆 и генерал Хасимото Тораносукэ 橋本虎之助, президент палаты религиозных обрядов Маньчжоу-Го.

В 1950 году Пу И, несмотря на его нежелание, был передан китайскому правительству. Ему «прописали» трудовое исправление. В 1959 «господину Пу» объявили амнистию, он стал садовником в дворцовом саду. Умер 17 октября 1967 года.. Эта весьма насыщенная история жизни Айсингёро Пу И неплохо изучена и даже экранизована итальянским кинорежиссёром Бернардо Бертолуччо в фильме «Последний император» (англ. *The Last Emperor*).

Третья тайна: куда «исчезли» 5 лет жизни императора: с 1945 по 1950 год? Где находился император все эти годы, что с ним в это время происходило?

Сейчас мы допишем недостающие сцены. 19 августа 1945 года на территории Маньчжурии в аэропорту города Мукдена десантники Красной Армии захватили в плен императора Айсингёро Пу И. 19 августа 1945 года государство Маньчжоу-го прекратило существование. Через три недели капитуляцией Японии закончилась Вторая мировая война. Однако тайная история императора Пу И продолжалась. Он был в обстановке полной секретности доставлен военным бортом под Хабаровск и позже содержался на «спецобъекте 20-45» в 1945-1950 гг. вместе с братом Айсин Геро́ (Айсингёро) Пу Цзе и Джунчи Гопло (Гопло Жунь Ци) (1912-2007) – братом жены императора.

Разумеется, информация об этом периоде жизни императора была недоступна иностранцам. Она – в архивах военных ведомств и в личном архиве переводчика Георгия Пермякова, который все пять лет был рядом с императором и написал книгу «Император Пу И: пять лет вместе». Текст опубликован в тихоокеанском альманахе «Рубеж» в 2003 году во Владивостоке.

Пу И был засекреченным особым свидетелем при подготовке к процессам над японскими военными. Он свидетельствовал о наличии у Японии бактериологического оружия и опытах над людьми. Речь шла об отряде 731 (близ Харбина) и отряде 100 Квантунской армии.

За императором «охотились» разведки нескольких государств, а он проживал на «спецобъекте 20-45», где служил мой отец – Михаил Крадажен, боевой офицер, получивший тяжелое ранение на Курской дуге и направленный после года госпиталей на Дальний Восток. Добавка «20» перед номером спецобъекта означала, что его контролирует лично И.В. Сталин. Руководил объединенным лагерем японских военнопленных, в который входил и «спецобъект 20-45» в Хабаровске, Леонид Дворецкий. Переводы осуществляли несколько военных переводчиков. За императором Пу И был закреплен Георгий Пермяков. Пермяков был направлен в Хабаровск из Харбина. Причина – в 20-е годы, проживая в Китае, будущий переводчик однажды повстречался с Пу И. Эта давняя встреча в Тяньцзине, о которой напомнил Пермяков, помогла установить доверительный контакт с важным свидетелем накануне сложных судебных процессов.

Разумеется, пять лет жизни на «спецобъекте 20-45» были заполнены не только подготовкой к судебным слушаниям. Император Пу И, его окружение были людьми хорошо образованными и не праздными.

Хабаровский книгоиздатель Виктор Буря пишет: «Члены семьи императора Пу И с радостью откликнулись на предложение Г.Г. Пермякова сделать иллюстрированный словарь Китая. В этом коллективном труде, продолжавшемся пять лет, нашел отражение громадный культурный пласт – национальные китайские традиции, обряды, обычаи... Джунчи Гопло, брат жены императора Пу И, был прекрасным художником. По просьбе Г.Г. Пермякова он сделал массу бытовых зарисовок из китайской жизни, сопроводив их надписями о том, какое впечатление они произвели на императора». *Виктор Буря. Хабаровск, 8 октября 2014 года*

В Государственном архиве Хабаровского края хранятся письма Г. Пермякова (ГАХК фонд Р22-04), материалы об императоре Пу И.

Под Хабаровском, на территории туристического комплекса «Займка» (ранее – дача командующего военным округом) расположен один из

«объектов», где бывал император. Место, полезное для образовательного туризма: там расположился музей императора Пу И. Однако путешественнику-историку будет небезынтересно узнать, что это не основное пристанище опального императора.

На особой исторической карте Хабаровска отмечен «спецобъект 20-45», расположенный в самом центре города, рядом с мэрией, за углом Педагогического института, на ул. Дикопольцева, 34. Ранее адрес этот значился как ул. Саперная, 27. После войны улица была переименована в честь Героя Советского Союза Евгения Дикопольцева, который учился в Пединституте и ушел отсюда на фронт. Сегодня в здании бывшего «спецобъекта 20-45» обновалась городская поликлиника №3.

Вот и раскрыты три тайны императора Пу И. А при чём тут ежегодные поездки японцев в августе на хабаровское кладбище?

Август для японцев – это О-бон, посвященный памяти умерших (День поминовения усопших). О-бон отмечается в течение нескольких дней, обычно в середине августа. Священное время, когда японцы берут отпуска и едут на родные могилы. На центральном кладбище Хабаровска в «японском секторе», который семьдесят лет назад назывался «захоронение лагерных отделений №1, №20 и №21 спецобъекта №45», спят вечным сном два «советника императора Пу И» и другие японцы, умершие в Хабаровске.

Хасимото Тораносукэ – разведчик, специалист по СССР, начштаба Квантунской армии, начальник кэмпзйтай (военной полиции Императорской армии Японии до 1945 г.) Маньчжоу-Го, министр-жрец – умер в Хабаровске 25 января 1952 года. Здесь же могила генерал-лейтенанта Акияма Ёситака. Дата смерти: 29 марта 1946 года. Причина: самоубийство.

Сложный узел истории Китая, Японии и России завязан на Дальнем Востоке. Мы попытались развязать его. История продолжается. Ждём открытия военных архивов к юбилею Хабаровского процесса.

Речевые метафоры в художественном тексте (преподавание русского языка как иностранного)

Лингвистический анализ и комментирование поэтического текста (художественного текста особого рода) предполагает исследование трёх закономерных тенденций: 1) к динамике и устойчивости; 2) к стандарту и экспрессии; 3) к экономии и избыточности. Первоочередное внимание должно быть уделено паре «стандарт-экспрессия». Исследователи (в частности, Н.В. Черемисина) отмечают, что «стандарт» проявляется в нормативной стандартизации звукового облика и семантики слов, в стереотипности звуковой аффрикаты – фразеологизмов, пословиц, изречений и т.д.

Проблема применения знаний о «стандарте-экспрессии» весьма важна в практике преподавания русского языка как иностранного. Несомненно, на первоначальном этапе обучения иностранному языку необходимо усвоение стандарта, достижение автоматизма восприятия языковых единиц в целях коммуникации. Но при усвоении стандарта не воспринимаются дополнительные коннотации, периферийные эмоциональные оттенки значения слов, следовательно, на этапе достаточного овладения стандартом необходимо

учитывать альтернативную тенденцию – и экспрессии. Она может реализовываться за счёт разрушения стандарта, появления у известных слов новых оттенков значения, возникновения синонимов и речевых метафор.

Преподаватель русского языка как иностранного при лингвокомментировании художественного текста неизбежно выходит на уровень разграничения языковой метафоры, т.е. узуального, зафиксированного в толковых словарях переносного значения слова, и речевой метафоры, т.е. тех окказиональных значений, которые не являются узуальными в настоящее время, т.к. не используются в целях общения и закреплены за конкретным контекстом.

Чаще под речевыми метафорами понимают индивидуально-авторские новообразования или злоупотребления, которые могут быть как одиночными (уникальными), так и сквозными, встречающимися два и более раз («Муза Дальних Странствий» в поэзии Н. Гумилёва).

Лингвисты (Б.М. Мейлах, Н.В. Черемисина и др.) предлагают следующую типологию метафор: 1) ясные, где реальная основа сближаемых явлений; 2) усложненные, где метафоризация остаётся на тончайшей грани реальных представлений; 3) сложные, где сближение объединяемых явлений остаётся в границах субъективного сознания, метафора отрывается от объекта изображения.

Обратимся к анализу стихотворения Н. Гумилева «Однажды вечером», избрав объектом внимания метафоры первого и (отчасти) второго типов. Целью лингвокомментирования речевых метафор является повышение культуры чтения, квалифицированный анализ на продвинутом и высшем этапе обучения русскому языку как иностранному.

Целесообразно начать анализ с литературоведческого толкования. Стихотворение «Однажды вечером» (сборник «Чужое небо»), по словам А.А. Ахматовой, посвящено ей. Леконт де Лиль (1818-1894) – французский поэт, глава литературной группы «Парнас». Был сыном плантатора и креолки (см. последнюю строку текста «Резкий профиль креола с лебединой душой»). Креол – потомок первых колонизаторов-переселенцев из Европы в Южную Америку.

Далее проводится лингвокомментирование метафор. Словарные толкования могут быть произведены по Словарю русского языка С.И. Ожегова. Можно предложить для комментирования следующие слова и словосочетания: «томленьё умирающих лилий», «запад был медно-красный», «холодный поэт», «шелковые тома», «сверкнули... слова... истомы», «кочевницы звёзды», «... в наших душах воскресли рифмы древнего солнца», «резкий профиль креола», «лебединая душа». В качестве приёмов толкования могут быть использованы показ предметов (лилия – её рисунок, фотография; медно-красный оттенок «медный» можно «прояснить», продемонстрировав медную монету), наглядная демонстрация действия (запрокинутый – откинутый назад; показать – откинув голову назад).

Кроме перечисленных ясных и усложненных речевых метафор в тексте стихотворения встретились и сложные метафоры: в первой строке – «умирающие лилии» (прекрасные белые цветы, символ чистоты, непорочности), а в последней строке – «креол с лебединой душой» (лебедь, как и лилия, символ чистоты; кроме того, метафора ассоциативно связана с устойчивым

сочетанием «лебединая песня» – прощальная песня, предвестница гибели, конца). Обе метафоры, перекликаясь по смыслу, образуют композиционное кольцо, обрамляющее текст. Экспрессивные приращения смыслов связаны с появлением у известных слов окказиональных значений.

Сравнительная характеристика некоторых аспектов системы негосударственного вузовского образования в странах АТР: Япония, Республика Корея, КНР

(страноведческий аспект: из опыта работы)

В последнее десятилетие активизировались связи дальневосточных вузов с ближайшими зарубежными соседями. Расширяется обмен студентами и преподавателями. В структуру вузов прочно вошли подразделения, занимающиеся обучением иностранных студентов и языковыми стажировками преподавателей и студентов.

Например, в Хабаровском педагогическом университете в 2000 г. создан Центр международного сотрудничества (ЦМС) на базе существовавших связей, факультета международного образования и кафедры русского языка как иностранного. В результате деловых контактов ЦМС с Обществом содействия японской дипломатии за последние 10 лет в вузе работали 11 дипломированных японских преподавателей. Сотни японских, южно-корейских и китайских студентов прошли обучение и стажировки (в том числе годичные) по русскому языку.

Факультеты, где обучаются и стажировются студенты-иностранцы, существуют в Академии железнодорожного транспорта, Хабаровском техническом университете, Институте культуры и искусств и др.

Филиал Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права в г. Хабаровске не стоит в стороне в этом перспективном направлении развития вузовского образования. Заключены и действуют долгосрочные международные соглашения и договоры, в соответствии с которыми на протяжении ряда лет в вузе ведётся обучение студентов-иностранцев. Около 100 студентов-иностранцев получили дипломы и сертификаты по итогам обучения в СПб ИВЭСЭП. Иностранцы не только изучают в ИВЭСЭП русский язык, но и имеют возможность получить высшее образование по ряду специальностей: экономика, правоведение, перевод и переводоведение (специальность «Лингвист, переводчик китайского языка»).

Студенты ИВЭСЭП выезжают на семестровые стажировки в институт «Восток» (КНР, г. Харбин, провинция Хэйлуцзян), что позволяет готовить качественных специалистов-переводчиков, спрос на которых в дальневосточном регионе стабильно высок.

Представители ИВЭСЭП направляются для работы в вузы КНР (сроки пребывания – годичные и семестровые), оказывая практическую методическую помощь коллегам-преподавателям русского языка в КНР.

С 1997 по 2005 гг. мне довелось работать преподавателем негосударственных вузов в Японии (с 1997 по 2000 гг.), Республике Корея (2003-2004 гг.) и в КНР (2004-2005 гг.). Этот опыт работы позволяет взглянуть на систему

негосударственного вузовского образования не с позиции теоретика, а глазами практика, «изнутри».

Надеюсь, мои наблюдения окажутся в чём-то полезными коллегам-преподавателям, студентам, выезжающим в страны АТР на работу и учёбу.

Учебный процесс и его организация, несомненно, важнейший компонент качественной подготовки специалиста, однако немаловажным является и бытовой фактор: условия жизни студента в период обучения, возможность организации самостоятельной работы (во внеучебное время), проблемы питания.

В японских негосударственных вузах (имею опыт работы и наблюдений только в префектуре Ниигата, однако думаю, что различия с вузами других префектур минимальны) существует традиция помощи студентам и преподавателям в найме жилья. Дело в том, что в Японии вносится очень высокий имущественный залог при найме жилья. Как правило, студенту или преподавателю-иностранцу на таких условиях снять жильё не по силам. Вуз выступает имущественным гарантом (посредником) в процедуре поиска и найма жилья. Это дело достаточно хлопотное.

Почему же международные отделы вузов соглашаются оказывать данную услугу? Секрет прост. Большинство фирм и частных лиц, сдающих жильё, охотно идут на подобные сделки. Если студент (преподаватель) решит покинуть квартиру (комнату) до оговоренного контрактом срока, вуз обычно «перезаселяет» ее другим студентом. Фирма-хозяин (или частное лицо) не терпит убытков от простоя пустующего жилья в период поиска нового постояльца.

У вуза свой расчёт: законопослушные японцы, зная, что жильё сдано студентам определенного вуза, обязательно сообщат в вуз о нарушениях правил проживания (если такое случится). То есть вузу гарантирован негласный «общественный присмотр» за студентами.

В Японии жильё принято делить на три категории: «манцен (мансьен)» – многоквартирный многоэтажный дом европейского типа со всеми удобствами; «апато» – обычно 2-х (реже 3-х) этажный дом с коридором, иногда наружным, из которого входят в квартиру. Дом тонкостенный, чаще с традиционными японскими татами на полу (соломенные сменные маты, на которые не желательно ставить европейскую мебель на ножках). Третий тип жилья – дом-особняк с маленьким традиционным японским садиком, черепичной кровлей, одно- или двухэтажный. Зимой очень холодное жильё – «апато» или особняки. Поскольку в домах в большинстве префектур (кроме северных) нет централизованного отопления, обогреть жильё очень дорого. Необходимо пользоваться газовыми или керосиновыми обогревателями, тонкостенные дома быстро охлаждаются. Неопытный иностранец часто считает, что выиграл, сняв задешево целый дом или квартиру в «апато», но в холодное время года расходы за жильё резко увеличиваются. К выбору и найму жилья в Японии надо подходить очень внимательно.

В Республике Корея большинство частных вузов имеют общежития для студентов и резервируют через дилеров квартиры для студентов и преподавателей. Общежития имеют отлаженную пропускную систему. В комнатах проживают 1-2 студента.

В Республике Корея в абсолютном большинстве домов полы с подогревом. Традиционно корейцы спят на полу. Система отопления регулируется внутри квартиры. В многоэтажных домах отопление централизованное, в частных имеются наружные бойлеры, которые следует заправлять керосином (делать заявку хозяину или в фирму). Бытовые условия приближены к европейским, особых проблем с комфортным обустройством у иностранцев не возникает.

В КНР в государственных и негосударственных вузах действует жёсткая система «закрытого пансионата». Все студенты (городские и иногородние) обеспечиваются общежитиями и обязаны проживать в них. Вход в общежитие – до 23:00. Открывается общежитие в 6:00. В комнатах для китайских студентов проживает по 8-14 человек на двухъярусных кроватях. Пользование бытовыми электроприборами запрещено (кроме настольных ламп). Студенты-дипломники, аспиранты, молодые преподаватели проживают по 3-4 человека в комнате. Студенты-иностранцы – по 3-4 человека в меблированных комнатах с холодильником и телевизором.

Условия проживания преподавателей-иностранцев обычно комфортные: двухкомнатные апартаменты в общежитии, меблированные, с современной бытовой техникой (телевизор, микроволновая печь, стиральная машина, бойлер в душе, кондиционер-обогреватель). Одна комната – рабочий кабинет с письменным столом, другая – спальня.

В вузах КНР система зимнего отопления такова: утром (приблизительно с 6 до 9 часов) и вечером (с 20 до 22 часов) помещения отапливаются (водяное отопление, радиаторы в комнатах). Днём и ночью отопление отключено.

Питание студентов в негосударственных (впрочем, как и в государственных) вузах стран АТР организовано следующим образом.

В Японии распространено еду брать с собой из дому («о-бентоо») в пластиковой коробочке. Обычно это рис и овощи, «о-нигири» (треугольные пирожки из риса с различными начинками), завернутые в «нори» – высушенную морскую капусту, и т.д. В вузах стоят автоматы по продаже горячих и охлажденных напитков (чай, кофе, какао, диетические, некалорийные напитки, молочные десерты). Если студенты проживают на территории университета, имеется столовая. Столовый прибор – палочки (о-хаси) из бамбука или пластика.

В Республике Корея на территориях вуза действуют недорогие студенческие столовые с меню из 6-8 традиционных (острых) блюд. Для преподавателей обычно работает в обед отдельная столовая с фиксированными ценами комплексного обеда (2-3 доллара с человека).

Студенческая столовая начинает работать за 40 минут до первой пары. На завтрак – рис, острый суп с «ким-чи» (длиннокочанная капуста, заквашенная с красным перцем и специями), мясо или овощи. Чай в меню обеда и завтрака не входит. Можно самому взять стакан из нержавеющей стали и налить кипятка или холодную воду из кулера. Сервировка стола самостоятельная (метод самообслуживания). В студенческих, преподавательских столовых при вузах и в ресторанах палочки для еды металлические (реже – бамбуковые), имеются вилки и ложки.

Вечером студенческие столовые в вузах Республики Корея работают до 17-18 часов. Меню ужина не отличается от обеденного: обязательно 6-8 блюд, чаще на основе риса или острой лапши.

В КНР вузовские столовые работают с 6:30 до 19:20. Студентам запрещено иметь чайники и плитки в комнатах общежития. В оборудование комнаты входят термосы (3-х и 4-х литровые) для каждого студента и преподавателя. Кипяток в них можно набрать в специальном помещении бесплатно. В комнате можно пить чай, есть что-нибудь, приобретенное в буфете или на рынке, который торгует за воротами студенческого городка до 22 часов.

Расчет в китайской студенческой столовой производится не наличными, а по пластиковой карточке, которую можно пополнить на территории студгородка. Обычно, открывая карточку, на неё кладут 100 юаней (около 400 рублей).

Меню в столовой чрезвычайно разнообразно: до 20 блюд и десертов.

Для преподавателей выделена обеденная зона, однако там могут обедать и студенты. Блюда недорогие, много салатов, изделий из пресного теста (позы, жареные пельмени, пампушки, лепешки, лапша). Разумеется, рис, мясные блюда, омлеты, на десерт можно взять фрукты. В столовой есть буфет с мороженым (5-10 сортов), различными напитками в пластиковых бутылках, банках из фольги.

Студенческий быт в вузах КНР хорошо отлажен и четко регламентирован. Не случайно именно китайские студенты и стажёры пишут в своих анкетах о трудностях адаптации к российской жизни, выдвигая на одно из первых мест... необходимость самостоятельно готовить еду. Многие сталкиваются с этой проблемой в России впервые!

Организация самостоятельной работы также изрядно отличается в вузах Японии, Республике Корея и КНР.

В Японии учебный год начинается в апреле. Японские студенты не привествуют домашних заданий. Они приучены к тестированию, работе на компьютере. Обязательных для изучения дисциплин немного. Студент сам выбирает интересующие его курсы. Но их число строго регламентировано. В период сессии активно посещают библиотеки. Группы – по 10 человек.

В Республике Корея учебный год в вузах делится на две части, не совпадающие с российскими двумя семестрами. Учебный год начинается в марте. В июне-июле приходит сессия. Шкала оценок – 100-балльная. Студенты охотно посещают консультации. Библиотеки в вузах Республики Корея в период сессии работают круглосуточно! Студенты после ужина идут в читальные залы и занимаются там до 4-6 часов утра! Утром возвращаются домой, немного спят и вновь – в вуз.

В вузах работают лингафонные и видеоклассы, там после занятий студенты продолжают работы до 20:00. В учебных заведениях принято снимать уличную обувь и переобуваться в тапочки на тонкой подошве. В холодные месяцы это не очень приятно, т.к. вузы не отапливаются. Керосиновые обогреватели в аудиториях необходимо включать, а через два часа работы открывать окна и проветривать помещение.

Группы на занятиях – около 20 человек. Индивидуальная работа поэтому затруднена, но активно действуют старосты групп и курсов. Они обзванивают студентов, помогают преподавателю контролировать самоподготовку сокурсников.

В вузах КНР система самоподготовки студентов основана на ежедневных занятиях. Обычный учебный день длится в аудиториях с 8:00 до 12:00.

С 12:00 до 13:00 – обед. С 13:00 до 15:00 – вновь занятия. После занятий студенты идут в столовую, буфет, на рынок, в магазины, но спустя пару часов в аудиториях вновь зажигается свет: студенты возвращаются, делают домашнее задание, читают учебники, конспектируют.

До 21:00 аудитории вузов не пустуют, хотя преподавателей, кроме дежурного на кафедре, нет! Китайским студентам не рекомендуют (!) находиться днем и вечером в общежитии. До 20:00 в зимние месяцы общежития не отапливаются, а в учебных корпусах и библиотеке – тепло (на территории вуза – автономная котельная).

В период сессии ритм самоподготовки не меняется, увеличивается лишь ее интенсивность.

Для Китая характерна чрезмерная наполняемость вузовских групп даже на языковых дисциплинах (до 30-40 человек на младших курсах на семинарских и практических занятиях). Система домашних заданий при этом необходима, а студенты добросовестно обрабатывают материал самостоятельно.

В негосударственных вузах Японии и Республики Корея возрастной состав преподавательского корпуса достаточно однороден: от 30 до 50 лет. Корейцы делают ставку на молодых, считают, что карьера, в том числе научная, должна «состояться» до 30 лет. Особенно жёстко это требование соблюдается по отношению к женщине.

Пенсионный возраст в Японии наступает с 60 лет. Как правило, с преподавателями-пенсионерами контракты не продлеваются, они охотно едут на работу за рубеж, в том числе и в российские вузы.

В КНР, напротив, в последнее десятилетие активно ведут подготовку молодых ученых, но сохраняют и опытный профессорско-преподавательский состав. Так, в институте «Восток» (провинция «Хэйлунцзян», г. Харбин, КНР) на факультете «Переводчики русского языка» восемь молодых преподавателей (в возрасте 24-27 лет) и примерно столько же профессоров-ветеранов, профессиональных переводчиков с большим стажем. Остальная часть – преподаватели средних лет. Старшие активно делятся опытом с молодёжью, преподаватели-наставники еженедельно проводят методические и практические занятия с молодыми коллегами.

На мой взгляд, этот замечательный опыт преемственности поколений позволяет осуществлять в КНР массовую качественную подготовку преподавательских кадров в вузах.

Нельзя не учитывать различия в составе изучающих русский язык в странах АТР и мотивацию обучения. В Японии в последнее десятилетие произошло снижение интереса к русскому языку. Причины следующие: нестабильность российской экономики, ослабление военного потенциала. В доперестроечные годы Дальний Восток достаточно активно импортировал японские товары: тяжелую технику для лесозаготовок, дорожно-технических работ, строительства; радиоэлектронику; продукцию легкой промышленности – обувь, ткани, одежду; фармацевтические препараты. В Хабаровске, Владивостоке, на Сахалине были открыты представительства фирм «Мицуи», «Мицубиси» и др.

Учитывая принятую в Японии систему ротации кадров – 2-3 года специалист работает на одном месте, затем фирма заменяет его новым – японцы

охотно обучались по программе «Русский язык», так как видели перспективу жизни и работы в России.

Охотно обучались русскому языку и взрослые японцы в вечерних группах: Россия, точнее СССР, после 1945 г. была для них сильным соседом, сверхдержавой.

Во многих школах высшей ступени, дающих предвузовскую профессиональную подготовку, старшеклассникам на выбор предлагали русский или английский язык. Соотношение желающих их изучать было примерно равным. После памятных событий 90-х годов престиж России и русского языка упал. Сократились инвестиции в российскую экономику, следствием чего стало и свертывание ряда программ по подготовке специалистов, владеющих русским языком.

Не способствует повышению уважения к России и россиянам и скупка поддержанных автомобилей, и массовая работа русских девушек в качестве хостесс в ночных клубах.

В последние 2-3 года положение с обучением русскому языку слегка изменилось к лучшему, однако в хабаровских вузах мы наблюдаем в основном индивидуальное обучение японцев или учёбу в составе микрогрупп (2-3 человека).

Республика Корея несколько более активна в выборе русского языка как иностранного при обучении студентов. Южнокорейские студенты стабильно платёжеспособны, хорошо организованы, дисциплинированы. Если 20 лет назад многие вузы СССР на основе безвалютного обмена обучали студентов из стран социалистического содружества (КНДР, КНР, Вьетнама и др.), то сегодня ситуация изменилась. Большинство государственных вузов России и все негосударственные, имеющие лицензии на право ведения международной деятельности и обучения иностранцев, охотно принимают на учёбу студентов на коммерческой основе.

В 1998 г. между Хабаровским государственным педагогическим университетом и негосударственным Сенмунским университетом Республики Корея был заключён долгосрочный договор, в котором просматривалось обучение южнокорейских студентов русскому языку в течение года. Договор исправно выполняется обеими сторонами в течение семи лет. В настоящее время предполагается заключение долгосрочного соглашения между филиалом Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права в г. Хабаровске и негосударственным Пусанским институтом.

Республика Корея намерена расширять экономическое влияние на Дальнем Востоке, а для этого необходимы русскоговорящие национальные кадры.

Аналогичные задачи стоят перед КНР. Перенаселенность и безработица в Китае велика. Дальневосточные малозаселенные земли очень привлекательны для китайцев. Все чаще в прессе поднимаются вопросы легальной и нелегальной миграции. В КНР в приграничных с Россией провинциях (в частности, провинция Хэйлуцзян) в большинстве средних общеобразовательных школ изучают русский язык наряду с английским. Подготовку специалистов-переводчиков русского языка ведут все государственные и негосударственные вузы КНР. Китайские студенты упорно и целенаправленно

изучают русский язык в надежде получить хорошую работу в совместной российско-китайской фирме, на строительстве, в туристическом бизнесе, в государственной службе КНР в приграничных населенных пунктах. Интерес к русскому языку в Китае стабильно высок, он поддерживается и поощряется на государственном уровне. Большинство чиновников и бизнесменов КНР знают русский язык.

...При обучении студентов-иностранцев невольно обращаешь внимание на разницу в национальном темпераменте и национальном подходе к процессу обучения.

Сразу замечу, что студенты из стран АТР чрезвычайно добросовестны: посещают аудиторные занятия, выполняют домашние задания. Однако в аудитории ведут себя по-разному. В Японии поражает внешняя бесстрастность студентов: на лекции – идеальная дисциплина, но в финале – никаких вопросов. Ощущение вакуума, отсутствие обратной связи. Приходится использовать ряд приёмов, чтобы «расшевелить» аудиторию, заставить сотрудничать с преподавателем. Боязнь «потерять лицо», оказаться смешным очень сильна в Японии. А при обучении иностранному языку, в том числе русскому, используют элементы игры, разыгрываются диалоги. Преподаватель должен быть артистичным, уметь шутить. Обычное обращение к преподавателю – «сэнсэй», иногда с добавлением фамилии.

Корейские студенты более открыты по сравнению с японскими. Они живо интересуются личностью преподавателя, при нехватке русского лексического запаса легко переходят на английский язык.

В Республике Корея к европейцу часто обращаются на улицах и в транспорте по-английски. Корейцы используют любую возможность практики в английском языке. Они не комплексуют по поводу ошибок в разговорной речи, могут попросить вас записать слово в блокнот. Преподавателя называют по фамилии, добавляют впереди слово «мистер», «миссис».

Студенты в КНР чрезвычайно эмоциональны и доброжелательны, контактны, готовы прийти на помощь иностранцу (студенту или преподавателю). Если вы заблудились, вам не только покажут жестом, куда надо идти, но и проведут. Китайцы очень любят зрелища, охотно, с энтузиазмом, участвуют в постановках, поют русские песни (современные эстрадные). Во время занятий китайская аудитория благодарно реагирует на юмор. Трудности в работе возникают из-за переполненности аудиторий.

В заключении отмечу, что моею целью не был анализ тонкостей организации учебного процесса в негосударственных вузах наших азиатских соседей – это материал отдельной статьи. Предполагалось лишь знакомство с особенностями негосударственного вузовского образования не в методическом, а именно в страноведческом аспекте, чтобы помочь скорейшей адаптации преподавателей и студентов в вузах стран АТР.

РАЗДЕЛ 3. О СУДЕБНОЙ ЛИНГВОЭКСПЕРТИЗЕ

Прикладная лингвистика: некоторые вопросы проведения судебных лингвистических экспертиз в гражданских исках по защите чести и достоинства

Казалось бы, после создания в 2001 году Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС, зарегистрирована Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве, рег. № 14127) и выхода в свет ряда работ членов Гильдии, не осталось «белых пятен» в теории и практике проведения судебных лингвистических экспертиз текстов в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. Однако даже после неоднократного переиздания книги «Цена слова» практикующие лингвисты-эксперты, особенно начинающие, сталкиваются с рядом проблем.

ГЛЭДИС была основана не юридическими лицами, а известнейшими учёными, преподавателями вузов, филологами, юристами, библиографами. Объединение лингвистов и юристов в Гильдию было насущной необходимостью: стали нужны единые методики исследования текста в правовых целях, единство подходов к решению лингвистических проблем. Этот курс держит Председатель правления ГЛЭДИС, известный российский лингвист, доктор филологических наук, профессор М.В. Горбаневский. Его усилиями подготовлена Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы. Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов / под ред. М.В. Горбаневского. – М.: Медея, 2004; осуществлен ряд методических изданий.

ГЛЭДИС ведёт большую просветительскую работу, размещает новые материалы на сайтах Гильдии, проводит семинары и конференции, формирует в регионах штат профессиональных лингвистов-экспертов, исповедуя принцип «не набора, а отбора» в члены Гильдии.

Член ГЛЭДИС, Е.И. Галяшина – доктор филологических наук, доктор юридических наук, полковник МВД в отставке, известный учёный и практик, действительный член Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, предостерегает лингвоэкспертов от ряда ошибок, способных свести на нет все результаты экспертизы (Е.И. Галяшина 2006:96).

Новые подходы к решению проблем юрислингвистики демонстрирует монография А.Н. Баранова «Лингвистическая экспертиза текста». (А.Н. Баранов, 2007). В частности, для нас чрезвычайно важным является вопрос экспертизы текстов, включающих «невербальные составляющие: фотографии, коллажи, специальные графические приёмы». В книге А.Н. Баранова данному явлению посвящена глава 5 «Нестандартные объекты лингвистической

экспертизы: тексты с невербальной составляющей», где намечены пути анализа корпуса подобных текстов.

При достаточно большом объеме современной информации, касающейся проведения судебных лингвистических экспертиз, остается немало вопросов. Они относятся и к практическим, и к теоретическим аспектам работы лингвиста-эксперта.

Например, вопрос о классификации оскорбительных слов и выражений, несмотря на кажущуюся очевидность, продолжает оставаться спорным. Традиционно в группу оскорбительной лексики и фразеологии включаются инвективная и обценная лексика, а также следующие разряды слов и выражений:

1. Слова и выражения, обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность: «мошеник», «жулик».

2. Слова с ярко выраженной негативной оценкой, фактически составляющей их основную семантику (значение), также обозначающие социально осуждаемую деятельность или позицию характеризуемого лица: «расист», «предатель».

3. Названия некоторых профессий, употребляемые в переносном значении, обычно негативном: «палач», «мясник».

4. Зоосемантические метафоры, отсылающие к названиям животных и подчеркивающие отрицательные свойства человека: глупость («осел»), неуклюжесть («корова»).

5. Глаголы с осуждающим значением или прямой негативной оценкой: «воровать», «хапнуть».

6. Слова, содержащие экспрессивную негативную оценку поведения человека, свойств его личности и т.п., без отношения к указанию на конкретную деятельность или позицию: «негодяй», «мерзавец».

7. Эвфемизмы (слова, заменяющие грубые, неблагозвучные выражения их нейтральными эквивалентами) для слов первого разряда (см. выше), сохраняющие, тем не менее, их негативно-оценочный характер: женщины легкого поведения.

8. Специально негативно-оценочные каламбурные образования: «коммуняки», «дерзьмократы».

Кажется, всё ясно. А между тем, бурю эмоций вызвал выход в свет Словника оскорбительных слов и выражений (для служебного пользования сотрудников Управления Федеральной службы судебных приставов РФ по Хабаровскому краю), Хабаровск, 2009. Газета «Хабаровский экспресс» от 23 июля 2009 г. разместила на 1-2 страницах материал, включающий невербальную (визуальную) составляющую: фото мужчин с заклеенным крест-накрест чёрным скотчем ртом, поднявшим руку в демонстративно неприличном жесте (все пальцы сжаты в кулак, а средний выставлен вперёд). Фото снабжено жирно набранной надписью «КАСТРАЦИЯ ЯЗЫКА», а на обороте, на стр. 2, статья озаглавлена «Языкзнание в законе». Надпись отсылает читателя к арготическому выражению «вор в законе». Автор статьи, Ирина Харитонова, не считает оскорбительными слова и словосочетания, типа: «алконавт вониючий», «дурёха» и подобные, произнесённые в адрес участников судебного заседания в зале суда, и полагает, что лингвисты, относящие данные лексемы к ненормативной

лексике, субъективны. Те, кто солидарен с её мнением, упускают из виду, что подобные высказывания идут вразрез с требованиями Закона.

1 июня 2005 года был принят Федеральный закон № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации». Статья 1, пункт 6 определяет: «При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке».

В зале судебных заседаний участники судебного процесса должны использовать нормативную лексику и фразеологию, в процессе судопроизводства используется русский язык именно как государственный язык Российской Федерации. Слова же и выражения, так удивившие хабаровскую журналистку, снабжены словарными пометами, свидетельствующими об их ненормативности (например, в таком словаре, как Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 2000).

Обратимся к суждениям независимых лингвистов, представляющих свои мысли в сборнике Юрислингвистика – 7: Язык как феномен правовой коммуникации / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 400 с.

В статье Р.В. Насырова «Нормативный текст и корпорация экспертов (или о способах институционализации права)», опубликованной в данном сборнике, ставится вопрос о возможности однозначной юридической квалификации правовых ситуаций, в частности, связанных с защитой чести и достоинства. Имеет ли права субъект юрислингвистической экспертизы на то, что у юристов называется усмотрением или «широким» толкованием нормы права? Возможно ли выработать обобщение и четкие критерии лингвистической оценки слов и фраз, как посягающих на доброе имя субъекта права или наносящих ему моральный вред?»

По мнению автора, ответ на последний вопрос должен быть положительным, так как он предполагается самим принципом научности, который требует выявления общих закономерностей функционирования объекта исследования. Но уже давно замечено, что в гуманитарных науках общие выводы и соответствующие рекомендации практиков носят условный и примерный характер. Социальные явления не укладываются в классическое представления о научном методе, «поскольку эти явления уникальны и поскольку в основе социальных процессов лежат действия человека, обладающего внутренней активностью, свободой воли».

Р.В. Насыров считает, что необходимо признать: правовые нормы обобщают типичные, наиболее распространенные общественные отношения и ситуации. ...Поэтому судья и эксперт должны быть готовы к встрече с нетипичными правовыми вкусами, которые не могут быть разрешены в стиле «отмерил и отрезал».

Автор статьи остроумно предлагает рассмотреть два примера. *Казус 1: ответчица А. Каждый день «приветствует» свою соседку – истцу В. – фразой: «Чтоб ты подохла, уродина!»* Ситуация проста. Эксперт-лингвист,

ссылаясь на толковый словарь русского языка, констатирует, что ответчица использует оскорбительные, экспрессивно-иронические слова, недвусмысленно желает истице смерти и оскорбительно отзывается о её внешности. *Казус 2: истица В. пострадала в автоаварии, и её лицо обезображено, и ответчица А. каждый день «приветствует» её ехидной фразой «Здравствуй, красавица!»* Если лингвист будет следовать своей привычной методике, то он сделает вывод об отсутствии оскорбления и нанесении моральных страданий – ответчица желает здоровья истице и положительно отзывается о её внешности.

Второй казус может быть разрешен обоснованно и справедливо только с использованием не классической, а так называемой «контекстной» (диалоговой, коммуникативной) методологии. Адекватное восприятие фразы невозможно без учёта контекста. Фразу необходимо исследовать не просто как источник информации, а именно как высказывание».

Насмешки хабаровской журналистки над судебными приставами, изучающими Словник, оказываются, как видим, неуместными. Ведь произнесенные в определенном контексте нейтральные слова: «козёл» и «сука», как и развеселившее её «дурёха», высказанные в адрес участников судебного процесса, государственных обвинителей, становятся оскорбительными.

Что же касается субъективизма экспертных оценок спорных текстов, входящих в категорию исследуемых в связи с процессом о защите чести, достоинства и деловой репутации, то ошибкой, граничащей с небрежностью, следует считать проведение лингвистической экспертизы текста с опорой на лексикографическую базу одного словаря. Попутно заметим, что в исследованиях используются нормативные (чаще – академические) словари, например, МАС (Малый академический словарь) – Словарь русского языка: в 4-х т. /АНСССР, Ин-т рус. яз./ под ред. А.П. Евгеньевой, – 3-е изд. стереотип. – М.: Рус. яз., 1985-1988; Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка /РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., допол. – М.: Азбуковник, 2000; Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. – М.: Эксмо, 2007 и другие словари.

Недостаток лексикографического материала может сузить толкование слова, не позволить выявить все семантические оттенки, реализуемые контекстом, что повлечёт за собой необъективные выводы.

Эксперт должен давать заключение только в пределах своей компетенции.

Даже небольшой перечень проблемных вопросов, стоящих перед практиками – лингвоэкспертами, показывает, как непросто решать проблемы на «стыке» языка и права, вторгаясь в область прикладной лингвистики – юрислингвистики.

Каковы, на наш взгляд, перспективы развития этой области филологии?

Не нужно быть предсказателем, чтобы прогнозировать масштабное развитие данного направления языкознания. Рост правосознания граждан России, с одной стороны, и снижение культуры речи – с другой, станут основой исков о защите чести, достоинства и деловой репутации. Следовательно, востребованными будут знания и умения экспертов-лингвистов, на основании заключений которых во многом базируется решение суда.

ПЕРЕЧЕНЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ И НАУЧНЫХ РАБОТ АВТОРА:

1. «Литературная норма и черты идиостиля М. Цветаевой», статья в сб. «Становление и развитие норм русского языка XVII – XX веков». – Хабаровск: ХГПИ, 1986. – 13 с.
2. «Лексический повтор как композиционный приём в поэтическом цикле А. Блока «Снежная маска», статья в сб. «Язык и композиция художественного текста». – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1986. – 11 с.
3. «Словообразовательные общности в поэтическом тексте (на материале поэзии М. Цветаевой)», сб. «Актуальные проблемы русского словообразования: тезисы V республиканской научно-теоретической конференции». – Самарканд, 1987. – 4 с.
4. «Повтор как фактор композиции в лирическом цикле М. Цветаевой», статья в сб. «Композиционное членение и языковые особенности художественного произведения». – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1987. – 6 с.
5. «Функции образов-символов в ранних стихотворениях Н. Гумилёва («Баллада», «Русалка»)», статья в сб. «Процессуальный и содержательный аспекты образования. Материалы 4-й научно-практической межвузовской региональной конференции. Ч. 2». – Биробиджан: БГПИ, 1990. – 4 с.
6. «Л.А. Новиков. Стилистика орнаментальной прозы Андрея Белого», журнал «Русская речь», №4, 1991.
7. «Тайнопись в поэтическом цикле М. Цветаевой «Марина», тезисы в сб. «Педагогический процесс в условиях перехода к новому состоянию общества». – Биробиджан: БГПИ, 1991. – 3 с.
8. Н. Гумилёв и Вс. Ник. Иванов (к постановке проблемы)», тезисы Всероссийской научно-практической конференции «Вс. Ник. Иванов и культура России». – Хабаровск: ХГПУ, 1993. – 3 с.
9. «Дьяволиада» в поэзии Н. Гумилёва», сб. «Материалы 41-й итоговой научной конференции». – Ч.3. – Хабаровск: ХГПУ, 1995. – 3 с.
10. «Средства образности в поэзии Н. Гумилёва», материалы II Межвузовской научной конференции «Русский язык, культура, история». – М.: МПГУ, 1996. – 4 с.
11. «Полифония языков и культур как средство текстообразования в стихотворении Н. Гумилёва «Сада-Якко» (1907)» (в соавторстве с Е. Сергеевой), сборник научных трудов. – М.: МГУ, 1999. – 8 с.
12. «Доминантные смыслы концептуальной системы Н. Гумилёва, представленные в стихотворении «У меня не живут цветы...», статья в Межвузовском сборнике научных трудов. – Хабаровск: ХГПУ, 2000. – 8 с.
13. «Японские реалии в стихотворении Н. Гумилёва «Сада-Якко», статья в сб. «Интеграция науки и образования – основа развития и возрождения национально-регионального менталитета: Международная научно-практическая конференция». – Биробиджан: БГПИ, 13-14 мая 2004. – 5 с.

14. «Вопросы межэтнической розни на Дальнем Востоке и проблемы лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ» // Проблемы межэтнического взаимодействия на Дальнем Востоке России: история и современность: сб. науч. трудов по итогам работы региональной научно-практической конференции с международным участием (23-24 сентября 2011 г.) / под ред. В.В. Романовой. – Хабаровск: Изд-во Дальневосточ. гос. гуманитар. ун-та, 2011. – С. 149–156.

15. «Займствованиа в лексике русского языка. Современное видение проблемы. Специфика дальневосточных займствований» // Вопросы преподавания и изучения иностранных языков и культуры речи: Материалы Международной научно-практической конференции (14-15 апреля 2011 года) / под ред. И.И. Акимовой; РПА Минюста России, Дальневосточный филиал (г. Хабаровск). – М.; Хабаровск: РПА Минюста России; Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2011. – С. 75–80.

16. «Индивидуальность поэтического стиля Игоря Царева: текстологический анализ», литературная критика, статья, литературный журнал «Дальний Восток», №1, 2015, с. 169-175.

17. «Индивидуальность поэтического стиля Игоря Царева: текстологический анализ», статья.

18. «Актуальные проблемы исторической и современной русистики», сборник научных трудов по материалам Шахматовской научной конференции Министерства образования РФ и Дальневосточного государственного гуманитарного университета).

19. Стихи Е. Мазурова-Крадожён, сборник стихов, лауреаты конкурса «Пятая стихия» Международной литературной премии имени Игоря Царева (2014), РОО –ЛОО «Изда- Читальня», 2015, с. 278-279.

20. «Лингвистическая экспертиза текстов экстремистской направленности: проблемы теории и практики назначения и производства», статья, журнал «Власть и управление на Дальнем Востоке», №2 (71), 2015, с. 160-166.

21. «Сложные случаи производства лингвистической экспертизы в делах по ст. 152 ГК РФ «Защита чести, достоинства и деловой репутации», статья, журнал «Власть и управление на Дальнем Востоке», №3 (72), 2015, с. 125-129.

22. «Интернет-тексты экстремистской направленности и последствия их распространения среди молодёжи (из опыта лингвистических судебных экспертиз)» // Экономика, управление, общество: история и современность: Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. – Хабаровск: ДВИУ – филиал РАНХиГС, 2015. – С.157-160.

23. «Индивидуальность поэтического стиля Игоря Царева: текстологический анализ», литературная критика, статья, литературный журнал «Дальний Восток», №1, 2015, с. 169-175.

24.«Юрислингвистика – перспективное направление подготовки современных юридических кадров дальневосточного региона» // Теоретические и прикладные аспекты современного лингвистического образования в условиях неязыкового вуза: сб. научных трудов по итогам работы Всероссийской

научно-методической конференции с международным участием «Теоретические и прикладные аспекты современного лингвистического образования в условиях неязыкового вуза» (30 октября 2015 г.). – Хабаровск: Издательство Дальневосточного юридического института МВД России, 2016. – С. 225-231.

25. «Эффективность применения лингвистической экспертизы в расследовании дел о разжигании межнациональной розни и экстремизме» // Теоретические и прикладные аспекты современного лингвистического образования в условиях неязыкового вуза: мат. междунар. науч.-метод. конф. (25 ноября 2016 г.) / редкол. А.А. Андреев [и др.]; Дальневосточный юрид. ин-т МВД России. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2017. С. 79-82.

26. «Легче писать о мёртвом поэте?! Рефрен-эпифора «...ещё живой» в стихотворении и творчестве Сергея Сутулова-Катеринича», литературная критика, статья, литературный журнал «Дальний Восток», №2, 2017, с. 208-214.

27. «Мой Георгий Пермяков», журнал «Дальний Восток». № 5. 2017. – С. 167-171.

28. «Юрий Викторович Подлипчук», журнал «Дальний Восток». № 6. 2017. – С. 205-206.

29. О включении текстов «молодой классики» в школьную программу по литературе: Игорь Царёв (Могила). Хрестоматия по Дальневосточной литературе». Сборник: Научно-методические идеи Н.М. Шанского в контексте современного филологического образования // Материалы международной научно-практической конференции.

Под общей редакцией О.М. Александровой, И.Н. Добротиной. Сборник трудов конференции. – М.: Институт стратегии развития образования РАО, 2017 – С. 122-128.

30. «Река Поэзии Капитана Игоря Царёва», статья, журнал «Дальний Восток». № 5. 2018. – С. 188-194.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОЯСНЕНИЯ

К РАЗДЕЛУ 1

Литературная норма и черты идиостиля М. Цветаевой

Данная работа впервые опубликована в 1988 году в городе Хабаровске, ХГПИ

[1] Скворцов Л.И. Нома языковая. – В кн.: Русский язык. Энциклопедия. М., 1979, с.163-164.

[2] Кожин А.Н. Язык художественной литературы как патетически стилизуемая форма существования литературного языка. – В кн.: Структура и функционирование поэтического текста. Очерки лингвистической поэтики. М., 1985, с. 12.

[3]. Медведева С.Ю. К истории изучения поэтического языка. – В кн.: Структура и функционирование поэтического текста. Очерки лингвистической поэтики. М., 1985, с. 38.

[4]. Черемисина Н.В. О гармонии композиции художественного целого. – В кн.: Язык и композиция художественного текста. К., 1983, с. 11.

Повтор как фактор композиции в лирическом цикле М. Цветаевой.

Работа представлена на конкурс памяти Цветаевой, включена в сборник произведений, посвященных Цветаевой, Москва, 2017, а также опубликована в большой книге лауреатов, Москва, 2017.

«Дьяволиада» в поэзии Н. Гумилёва

Впервые работа опубликована в 1995 году.

Некоторые лексические особенности идиостиля Н. Гумилева

Впервые опубликована в 1999 году.

Литература:

1. Гумилёв Н. Собрание сочинений в 4-х тт. – М.: Терра, 1991.
2. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х тт. / Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1987-1988.
3. Протченко И.Ф., Черемисина Н.В. Лексикология и стилистика в преподавании русского языка как иностранного: динамика, экспрессия, экономика – М.: Рус. язык, 1986.
4. Сильман Т.М. Заметки о лирике. – Л.: Советский писатель, 1977.

Японские реалии в редакциях текста стихотворения Николая Гумилёва «Сада-Якко»

Опубликовано в сб. Интеграция науки и образования – основа развития и возрождения национально-регионального менталитета // Сборник докладов

Международной научно-практической конференции. – Биробиджан, 13-14 мая 2004. Ч. 2. – Биробиджан: Изд-во БГПИ, 2004. – 185 с. (с. 37-40).

- [1]. Н. Гумилёв. Собрание соч. в 4-х т. М.: Терра, 1991.
- [2]. Н.С. Гумилёв. Стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1989. – С. 439.
- [3]. Лотман, Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. – С. 117-118.

Язык сказок В.И. Даля

Работа опубликована в 2002 году в сборнике работ «Памяти В.И. Даля»: Материалы Международной научной конференции: Хабаровск, ХГПУ, 2002 г./Науч. ред. Л.Ф. Крапивник, В.Г. Мехтиев. - Хабаровск, 2002. – 138 с.

- [1]. СПб., 1832. С. 201.
- [2] Даль В.И. Избранные произведения (составитель Н.Н. Аكوпова). – М., Правда, 1987. – С. 420.
- [3] Цит. по: Даль В.И. Избранные произведения (составитель Н.Н. Аكوпова). – М., Правда, 1987. – С. 446.
- [4] Виноградов В.В. О языке художественной литературы. – М., 1959. – С. 245.
- [5] Лисовицкая Л.Е. Функции начального предложения в композиции художественного текста //Язык и композиция художественного текста: Межвузовский сборник научных трудов. – М., МГПИ. 1983. – С. 78-87.
- [6] Арнольд И.В. Значение сильной позиции для интерпретации текста // Иностранные языки в школе, 1978, №4. – С. 23-24.

Индивидуальность поэтического стиля Игоря Царёва: текстологический анализ

- [1] Энциклопедический словарь-справочник Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. – М.: Флинта – Наука, 2005: с. 19-20.
- [2] Энциклопедический словарь-справочник Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. – М.: Флинта – Наука, 2005: с. 22-24.
- [3] Энциклопедический словарь-справочник Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. – М.: Флинта – Наука, 2005: с. 41-42.
- [4] Энциклопедический словарь-справочник 2005: с. 198-200.
- [5] Энциклопедический словарь-справочник Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. – М.: Флинта – Наука, 2005: с. 306-309.
- [6] Энциклопедический словарь-справочник Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. – М.: Флинта – Наука, 2005: с. 342-344.

[7] [Энциклопедический словарь-справочник 2005: с. 176-178.

[8] Крадожён-Мазурова Е.М. Раздумья о стихах Игоря Царёва // Аргументы времени. – № 1 (22), 2014. – С. 93-95, здесь и далее с дополнениями и изменениями.

Литература:

1. Энциклопедический словарь-справочник Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. – М.: Флинта – Наука, 2005. – 480 с.

2. Царёв Игорь. Море камни не считает. – М., 2002.

3. Царёв Игорь. Соль мажор. – М., 2011.

4. Царёв Игорь. Переводы с языков пламени: электронный сборник, 2013.

Крадожён-Мазурова Е.М. Раздумья о стихах Игоря Царёва// Аргументы времени. – № 1 (22), 2014. – С. 93-95.

К 60-летию русского поэта Игоря Царёва

[1] Речка Убля – у Старого Оскола.

[2] Река Вобля протекает около Рязани.

Река Поэзии Капитана Игоря Царёва

[1] Гидроним – собственное имя водоёма (реки, озера, моря и т.п.) как объект.

[2] Игорь Вадимович Могила (Игорь Царёв) появился на свет в Приморском посёлке Гродеково 11 ноября 1955 года в семье инженера Вадима Петровича Могилы, будущего профессора Дальневосточного государственного университета путей сообщения, и Екатерины Семёновны Кирилловой – учителя русского языка и литературы.

[3] «Тихоокеанская звезда» (ТОЗ) – еженедельная общественно-политическая газета, издающаяся в Хабаровском крае, одна из старейших непрерывно издающихся газет Дальнего Востока.

[4] Приморский край – редко где в России растёт дикий розовый лотос и водятся тигры.

[5] «Дети Империи» / Игорь Царёв. – М.: Издательство «Буки Веди», 2018. – С. 7.

Оружие интеллектуальной экспансии. *О конкурсе имени Игоря Царёва* Впервые опубликовано в журнале «Дальний Восток» № 2, 2016, с. 231-235.

Литература и источники:

[1] Карасик В.И. Языковые ключи. / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с..

[2] Крадожен-Мазурова Е.М. Индивидуальность поэтического стиля Игоря Царёва: текстологический анализ // Актуальные проблемы

исторической и современной русистики: Материалы региональной научной конференции посвященной 150-летию со дня рождения А.А. Шахматова. / под ред. В.Т. Садченко. – Хабаровск: ДВГГУ, 2014. – С. 20-27.

[3] Крадожен-Мазурова Е.М. Река Поэзии Капитана Игоря Царёва // Дальний Восток. – №5. – 2018. – С. 188-1944.

[4] Крысин Л.П. Современный словарь иностранных слов. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2014. – 416 с..

[5] Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий: Пособие для учителя / Лотман Ю.М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. – СПб.: Искусство-СПБ, 1995. – С. 472-762.

[6] Маслова Ж.Н. Введение в когнитивную поэтику: учебное пособие / Ж.Н. Маслова; М-во обр. и науки РФ, Балашовский ин-т (филиал) ФГБОУ ППО «Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского». Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 251 с.

[7] Царёв И.В. Любя и веря вопреки... / И.В. Царёв. – М.: Авторская книга, 2014. – 504 с.

Легче писать о мёртвом поэте?!

Рефрен-эпифора «... ещё живой» в стихотворении и творчестве Сергея Сутулова-Катеринича

Данная работа опубликована в журнале «Дальний восток», в альманахе «Притяжение-ДВ» №1(4)-2018, с. 211-224.

[1] Деньги.

[2] Амбивалентный, прил., краткая форма амбивалентен. 1. Неоднозначный, двойственный, двузначный. 2. Содержащий противоположные или противоречивые элементы, компоненты. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – 2-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2001. – Т.1: А-О.

[3] И.В. Гете. Страдания юного Вертера, 1774.

[4] Александр Николаевич Башлычёв – русский поэт, автор и исполнитель песен. Один из представителей советского андеграунда. Александр Башлычёв родился 27 мая 1960 года в Череповце, умер в 1988 году. Похоронен в Санкт-Петербурге.

[5] Михаил Анищенко, поэт. Подробнее: <http://www.uznayvse.ru/zname nitosti/biografiya-aleksey-anichenko.html>

[6] Нил Амстронг (1930) – астронавт, 20 июля 1969 года стал первым астронавтом, ступившим на поверхность Луны. Родился 5 августа 1930 года в Уапаконетта, штата Огайо. Биография наиболее известна, как история первого человека, ступившего на Луну. 25 августа 2012 года из-за возникших осложнений после операции на сердце скончался.

[7] Петел означает – петух. Пример использования слова «петел» – Евгений Баратынский: «Очнулся я, румян и светел / Уж новый день сиял, / И громкой песнью ранний петел / мне утро возвещал» (Бдение).

[8] «Высоцкий. Спасибо, что живой». Год выхода 2011. Жанр кино: драма, биография. Режиссёр: Петр Буслов. Автор сценария: Никита Высоцкий. Роли сыграли: Сергей Безруков, Оксана Акиньшина, Андрей Смоляков, Максим Леонидов, Андрей Панин, Владимир Ильин и др.

К РАЗДЕЛУ 2

Три тайны последнего императора Китая ПУ И Историческое исследование

Опубликовано в альманахе «Притяжение – ДВ» №1(4)-2018, с. 205-211. Создано несколько вариантов текста. Опубликовано в сетевом научно-популярном журнале «Бутылка Клейна».

К РАЗДЕЛУ 3

Прикладная лингвистика: некоторые вопросы при проведении судебных лингвистических экспертиз в гражданских исках по защите чести и достоинства

Литература:

Цена слов. Из практики лингвистических экспертных текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации /А.Н. Баранов, Ю.А. Бельчиков, Ю.К. Сафонов, Б.С. Шфарцкопф. – М.: Галерея, 2001.

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие / А.Н.Баранов. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 592 с.

Галяшина Е.И. Лингвистика VS экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам / под ред. Проф. М.В. Горбаневского. – М.: Юридический Мир, 2006.– 96 с.

Насыров Р.В. Нормативный текст и корпорация экспертов (или о способах институционализации права) / Р.В. Насыров // Юрислингвистика – 7: Язык как феномен правовой коммуникации /под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005.

Уважаемые читатели!

Издательство «Спутник+»
предлагает:

- 📖 **ИЗДАНИЕ И ПЕЧАТЬ МОНОГРАФИЙ, КНИГ** любыми тиражами (от 50 экз.).
    - ✓ Срок - от 3-х дней в полноцветной и простой обложке или твердом переплете.
    - ✓ Присвоение ISBN, рассылка по библиотекам и регистрация в Книжной палате.
    - ✓ Оказываем помощь в реализации книжной продукции.
  - 📖 **ПУБЛИКАЦИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ** для защиты диссертаций в журналах по гуманитарным, естественным и техническим наукам.
    - ✓ Журнал «Естественные и технические науки» входит в перечень ВАК.
  - 📖 **ПРОВЕДЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАОЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ** по всем научным направлениям для аспирантов, соискателей, докторантов и научных работников.
  - 📖 **ПУБЛИКАЦИЯ СТИХОВ И ПРОЗЫ** в журналах «Российская литература», «Литературный альманах «Спутник» и «Литературная столица».
- + Набор, верстка, корректура и редакция текстов.
+ Печать авторефератов, переплет диссертаций (от 1 часа).
-
- Переплетные работы, тиснение, полноцветная цифровая печать.

*Наш адрес: Москва, 109428, Рязанский проспект, д. 8 А
тел. (495) 730-47-74, 778-45-60, 730-48-71 с 9 до 18 (обед с 14 до 15)*

<http://www.sputnikplus.ru> e-mail: print@sputnikplus.ru

Крадожён-Мазурова Елена Михайловна

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ

2-е издание, исправленное и дополненное

Издательство «Спутник +»

109428, Москва, Рязанский проспект, д. 8А.

Тел.: (495) 730-47-74, 778-45-60 (с 9 до 18)

Подписано в печать 02.08.2019. Формат 60×90/16.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 6,25. Тираж 100 экз. Заказ 276.

Отпечатано в ООО «Издательство «Спутник +»